

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ДЖЕРОНИМО

Баррет С.М.

Перевод с английского Ноздриной Н.С.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Посвящается Теодору Рузвельту, президенту Соединенных Штатов и вождю великого народа, ибо этот человек дал мне возможность рассказать историю моей жизни и, прочитав ее, убедился, что она правдива. Я верю в его честность и надеюсь, что он будет справедлив к моему народу.

Джеронимо

ЧАСТЬ I. АПАЧИ

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ АПАЧЕЙ

Вначале мир был окутан мглой и в нем не было ни солнца, ни света дня. Бесконечная ночь не освещалась луной и звездами.

Однако на земле водилось множество зверей и птиц, и среди них разные отвратительные чудовища, драконы, львы, тигры, волки, лисы, бобры, кролики, белки, крысы, мыши и всякие ползающие твари, вроде ящериц и змей. Людям тогда жилось очень плохо – все их потомство пожирали звери и змеи.

Все создания в те времена были наделены разумом и даром речи, и было у них два больших племени: птицы, или племя пернатых, и животные. У птиц вождем был орел.

Эти два племени часто собирались на совет, и птицы всякий раз требовали света. Звери же всегда отказывали им в этом. В конце-концов птицы пошли на зверей войной.

Звери были вооружены дубинками, а птиц орел научил пользоваться луком и стрелами. Змеи, благодаря своей мудрости, смогли избежать истребления. Одна из них укрылась на отвесном утесе в горах Аризоны, и глаза ее, превратившиеся в блестящие камни, можно увидеть там и по сей день. Когда же убивали медведя, он сразу же обращался в нескольких и поэтому, чем больше медведей поражало пернатое племя, тем больше их оставалось. Дракона же вообще нельзя было убить, ибо он был покрыт четырьмя слоями твердой чешуи, сквозь которую не проникали стрелы. Одно из самых страшных и гнусных чудовищ, имени которого мы сейчас не помним, было совершенно неуязвимо для стрел, и орлу пришлось подняться высоко в воздух и сбросить ему на голову круглый белый камень, который и лишил его жизни. С тех пор камень этот считается священным. Битва продолжалась много дней, и победу в ней одержали птицы.

Когда война закончилась и птицы стали верховодить на советах, они сразу же впустили на землю свет. Теперь жизнь у людей стала гораздо лучше. И в знак благодарности орлу, который повел птиц на эту славную битву, люди стали носить его перья как символ мудрости, справедливости и силы.

Среди немногих людей, живших в то время на земле, была одна женщина, которая родила множество детей, но все они были съедены зверями. Всякий раз, когда ей удавалось обмануть зверей и скрыть своего младенца, появлялся дракон, очень хитрый и злой, и пожирал его.

Спустя много лет эта женщина родила сына, отцом которого был ураган. Она вырыла для него глубокую яму, прикрыла ее землей, а сверху развела костер. Огонь согревал ребенка и скрывал его убежище. Каждый день женщина гасила костер и спускалась в яму, чтобы покормить свое дитя. Возвратившись, она вновь разводила огонь.

Дракон часто являлся к ней, но женщина всякий раз говорила:

- Нет больше у меня детей, - ты съел их всех.

Когда ребенок подрос, то стал вылезать из ямы, чтобы побегать и поиграть. Однажды дракон увидел его следы. Он был очень раздосадован и впал в ярость, потому что никак не мог понять, где прячется мальчик. Дракон пригрозил женщине, что убьет ее, если она не покажет ему своего тайника. С того дня бедная мать жила в постоянном страхе и беспокойстве: она знала, насколько хитер и силен был дракон, но не могла же она отдать ему своего единственного мальчика. Вскоре мальчик стал проситься на охоту, но мать все не пускала его. Она рассказывала ему о драконе, волках и змеях, но ребенок стоял на своем.

По просьбе мальчика его дядя, единственный живший в то время мужчина, сделал маленький лук и стрелы, и на следующий день они отправились на охоту. Высоко в горах они напали на след оленя, и мальчик сумел убить его. Дядя показал ему, как надо снимать шкуру и жарить мясо. Они зажарили заднюю часть туши и положили мясо на куст, чтобы оно остыло. Тут появился огромный дракон. Мальчик не испугался, а его дядя застыл на месте, потеряв от страха дар речи.

Дракон забрал долю мальчика и положил ее на другой куст. Сам он сел рядом и сказал:

- Это тот самый мальчишка, которого я ищу. Ты такой хорошенький и толстый, что покончив с этим мясом, я, пожалуй, съем и тебя.

- Нет, ты не тронешь это мясо и не съешь меня, - сказал мальчик.

Он подошел к дракону, взял мясо и отнес его на прежнее место.

- Мне нравится твоя храбрость, - сказал дракон, - но уж больно ты глуп. Что ты можешь мне сделать?

- Я умею защищаться, - произнес мальчик, - и скоро ты в этом убедишься.

Тогда дракон опять забрал мясо, но мальчик вернул его. Четыре раза дракон похищал мясо, и каждый раз ребенок относил его обратно. Наконец мальчик спросил:

- Дракон, ты будешь биться со мной?

- Да, и притом так, как захочешь ты, - отвечал дракон.

- Я встану за сто шагов от тебя, - предложил мальчик, - и ты пустишь в меня четыре стрелы из своего лука. А потом мы поменяемся местами.

- Идет, - сказал дракон, - вставай.

Дракон взял свой лук, сделанный из большого соснового ствола, и вынул из колчана четыре стрелы. Вырезаны они были из молодых сосенок, и каждая была в двадцать футов длиной. Дракон прицелился, но в тот миг, когда была выпущена стрела, мальчик вскрикнул и высоко подпрыгнул. И сразу же стрела разлетелась на тысячу щепок, а мальчик оказался стоящим на вершине радуги, которая появилась как раз над тем местом, куда целился дракон. Вскоре радуга исчезла, и мальчик снова ступил на землю. Так повторилось все четыре раза, после чего мальчик воскликнул:

- Эй, дракон, становись, теперь моя очередь стрелять.

- Ну, что же, стреляй, - ответил дракон, - твои жалкие стрелы не смогут пробить даже первый слой чешуи, а у меня их четыре.

Мальчик выпустил стрелу, попав дракону в грудь, и верхний слой чешуи осыпался на землю. Еще два выстрела - и вот уже нет трех слоев, и сердце дракона открыто для последнего удара. Дракон задрожал, но не сдвинулся с места. Прежде чем выпустить последнюю стрелу, мальчик закричал:

- Дядюшка, ты совсем окаменел от страха. Иди сюда, а то дракон свалится на тебя.

Дядя побежал к нему, и тогда мальчик послал четвертую стрелу и поразил дракона в самое сердце. С ужасным ревом дракон скатился с горы и низвергся в глубокий каньон.

И сразу же на горы опустились грозовые тучи, засверкали молнии, загрохотал гром и полил дождь. Когда гроза миновала, далеко внизу, на дне каньона, они увидели останки огромного дракона. Его кости лежат там и поныне.

Мальчика этого звали Апач. Усен научил его охотиться, сражаться и готовить лекарства из трав. Он стал первым индейским вождем и всегда носил орлиные перья как символ справедливости, мудрости и силы. И еще Усен повелел, чтобы Апач и его потомки навсегда поселились на западных землях.

2. ПЛЕМЕНА АПАЧЕЙ

Апачи делятся на шесть племен, к одному из которых, Бедонкое, принадлежу я.

Наше племя обитало в гористой местности, расположенной к западу от восточной границы Аризоны и к югу от реки Хила в верхнем ее течении.

К востоку от нас жили Апачи племени Чихенне (Горячие Ключи). Наше племя никогда не враждовало с ними. Их вождь Викторио был моим другом и всегда помогал нам, когда в этом возникала нужда. Он погиб, защищая права своего народа. Прекрасный был человек и отважный воин. Сын его, Чарли, живет сейчас с нами в резервации.

К северу от нас поселились Апачи Белой Горы. Отношения у нас были не самые лучшие, но в войну мы вступали редко. Я знал их вождя Хашкаайла и всегда считал его хорошим воином. Они соседствовали с племенем Навахо, которое не родственно нам по крови. Мы собирались на советы со всеми Апачами, но в них никогда не участвовали Навахо. Все же мы торговали с ними и иногда приходили к ним в гости.

К западу от нашей территории обитали Апачи племени Чиеахаен. На моей памяти у них было два вождя - Косито и Кодахойа. Они были настроены вполне миролюбиво, но настоящей дружбы между нами не возникало.

К югу простирались земли Апачей племени Чоконен (Чирикауа). Вождем у них в те времена был Кочис, а позже его сын Нейче. С этим племенем мы были очень дружны. Часто мы становились одним лагерем и вместе ходили на охоту. Нейче, мой бывший брат по оружию, разделяет сейчас со мной неволю.

В юго-западном направлении жили Апачи племени Недни. Вождем у них был Хоа, прозванный мексиканцами капитаном Хоа. С этим племенем мы поддерживали самую тесную дружбу. Земли этих Апачей находились частично в Старой Мексике, частично в Аризоне. Мы с Хоа часто вставали одним лагерем и сражались бок о бок, как братья. Мои враги были его врагами, мои друзья - его друзьями. Он уже умер, а его сын Аза переводит для меня это повествование.

Сейчас четыре племени (Бедонкое, Чоконен, Чихенне и Недни), которые поддерживали дружеские отношения в дни свободы, стараются теснее сплотиться по мере того, как тают их ряды. Только гибель всех наших людей способна разорвать эти узы.

Мы исчезаем с лица земли, и все же я не думаю, что существование наше было напрасным, иначе Усен не сотворил бы нас. Он создатель всех людских племен, и каждое из них появилось не случайно.

Каждому племени Усен предназначил место обитания и собрал там все, что нужно для счастливой и безбедной жизни. Апачам он дал земли на западе, где было достаточно кукурузы, фруктов и дичи, чтобы они могли прокормиться. Он сотворил множество разных трав, чтобы Апачи могли исцеляться от болезней. Он научил их находить эти травы и готовить из них снадобья. Он даровал им чудесный климат и все необходимое, чтобы одеться и укрыться в непогоду.

Так было в начале: Апачи и их земли были сотворены Усеном как нечто неразделимое. Когда же они лишаются своей земли, то чахнут и умирают. Скоро ли придет тот час, когда в мире не останется ни одного Апача?

3. НА ЗАРЕ ЖИЗНИ

Я родился в Аризоне, неподалеку от каньона Нодойон, в июне 1829 года.

На землях, раскинувшихся в верховьях реки Хила, прошло мое детство. Здесь была наша родина: в горах скрывались наши жилища, в долинах зеленели наши поля, бескрайние прерии служили нам пастбищами, в пещерах среди скал мы хоронили своих мертвых.

Я рос четвертым ребенком в семье, а всего нас у родителей было восемь – четыре мальчика и четыре девочки. Из всей семьи сейчас живы только трое: я сам, мой брат Порико (Белая Лошадь) и моя сестра Надасте. Нас держат в военной резервации (форт Стил) на положении пленников.

Младенцем я ползал по грязному полу нашего типи или лежал в "цоче" (так Апачи называют колыбель), которую мать носила за спиной или подвешивала к дереву. Светило солнышко, ветер раскачивал мою колыбель, а над головой шелестела листва - так начиналась жизнь у всех индейских детей.

Когда я подрос, мать поведала мне легенды нашего народа. Я услышал о небе и солнце, луне и звездах, тучах и бурях. Она научила меня опускаться на

колени и молиться Усену, чтобы он даровал мне силу, здоровье, мудрость и свое покровительство. Мы никогда не просили Усена наказать наших обидчиков, предпочитая расправляться с ними самостоятельно. Нам внушали, что Усену нет дела до людских ссор.

Отец любил рассказывать о подвигах наших воинов, о радости преследования и славе, что ждет нас на тропе войны.

У родительского дома я резвился со своими братишками и сестренками. Пока наши родители работали в поле, мы играли в прятки среди скал и сосен, отдыхали в тени тополей или собирали дикую вишню. Часто мы играли в войну: подкрадывались к воображаемым врагам и бесстрашно совершали военные подвиги.

Иногда мы прятались от матушки, чтобы посмотреть, как она будет искать нас, да так и засыпали в своем укрытии, никем не обнаруженные.

Когда мы достаточно подросли, чтобы помогать взрослым, родители стали брать нас с собой в поле, где наши игры сменились тяжелой работой. Мы рыхлили землю деревянными мотыгами и сажали кукурузу, бобы, дыни и тыквы, а потом ухаживали за ними в течение лета.

Каждое поле занимало около двух акров и никогда не огораживалось. Обычно в одной долине возделывали поле по несколько семей, и все они сообща охраняли посевы от потравы лошадьми, оленями или другими дикими животными.

Дыни мы съедали сразу, как только они поспевали. Когда наступала осень, мы собирали тыквы и бобы и складывали их в мешки или корзины, а кукурузные початки связывали вместе. Потом грузили весь урожай на лошадей и везли домой. Там мы лутили кукурузу и складывали запасы в пещерах или других потайных местах.

Мы никогда не давали своим лошадям кукурузу, однако зимой им всегда хватало корма. Кроме лошадей и собак, у нас не было никаких домашних животных.

Своего табака мы не выращивали, а собирали дикорастущий. Осенью мы срезали и сушили табачные листья. Если же наши запасы истощались, в дело шли листья, оставшиеся на стеблях. Курили почти все поголовно - и мужчины, и женщины. Юноши могли начинать курить только после первого самостоятельного выхода на охоту, когда им удавалось убить крупного зверя - волка или медведя. Девушкам курить не возбранялось, однако это считалось нескромным. Зато замужние женщины курили почти все.

Из кукурузного зерна мы вручную мололи муку в каменных ступках. Часть зерна мы дробили, заливали водой и после сбраживания готовили напиток под названием "тисвин", который имел опьяняющее действие и очень высоко ценился индейцами.

Всем этим обычно занимались женщины и дети. Когда поспевали ягоды и орехи, женщины с детьми по целым дням пропадали в лесу. Если они уходили далеко от стоянки, то брали с собой лошадей, чтобы везти наполненные корзины.

Я часто уходил в лес со взрослыми, и во время одного из таких походов, женщина по имени Чоколе, отбившись от остальных, стала пробираться на лошади сквозь чащу, надеясь отыскать своих попутчиков. Она медленно ехала через заросли, а за ней бежала ее маленькая собачка. Вдруг на ее пути появился медведь гризли и бросился на лошадь. Женщина спрыгнула на землю, а лошадь

убежала. Тогда медведь накинулся на нее, и она стала отчаянно обороняться, пустив в ход свой нож. Ее собачка вцепилась медведю в пятки и какое-то время отвлекала его от своей хозяйки. Но все же медведю удалось взять верх и он ударил женщину по голове, содрав с нее скальп. Она упала, но не потеряла сознания и, уже лежа, сумела нанести зверю четыре хороших удара ножом, обратив его в бегство. Оставшись одна, женщина попыталась привязать к голове сорванный скальп, но силы оставили ее и она упала без чувств. Ночью ее лошадь пришла на стоянку с грузом ягод и орехов, но без седока. Индейцы пустились на розыски, но найти ее удалось лишь на второй день. Они отвезли несчастную домой, и там знахари залечили все ее раны.

Индейцы знали лекарственные травы, умели готовить снадобья и исцелять с их помощью больных. Всему этому их научил в свое время Усен, и каждое последующее поколение имело своих искусных целителей.

При сборе трав, приготовлении снадобий и лечении, молитве придавалось едва ли не большее значение, чем целительной силе лекарств. В приготовлении снадобий обычно участвовали восемь человек: половина из них готовила лекарство, а остальные произносили заклинания. Для каждой стадии приготовления существовали свои молитвы и магические формулы.

Многие индейцы умели вырезать пули, наконечники для стрел и другие орудия, поражающие врагов. Я сам часто занимался этим, прибегая к помощи кинжала или обычного кухонного ножа.

Зимой маленьких детей одевали очень легко, а летом они вообще бегали голышом. Женщины носили самые простые юбки, представлявшие собой кусок хлопчатобумажной ткани, обернутый вокруг талии и едва доходивший до колен. Мужская одежда состояла из коротких штанов и мокасин. Зимой к этому добавлялись рубахи и наколенники.

Часто подростки, сговорившись, убегали за несколько миль от лагеря и проводили целый день в играх и развлечениях, отлынивая от работы. За эти шалости их никогда не наказывали, но если взрослым случалось обнаружить их тайное убежище, беглецов осыпали насмешками.

4. ОБЫЧАИ, ТРАДИЦИИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

По поводу каждого значительного события устраивались празднества с плясками, на которые иногда приглашались и соседние племена. Праздник обычно продолжался не меньше четырех дней. Днем мы пировали, а вечером устраивали пляски под предводительством одного из вождей. Пляски сопровождалась пением воинов и звуками *эсададедне* (бубен из кожи оленя). Пение всегда происходило без слов - звучала лишь мелодия. После пиров и плясок устраивались скачки на лошадях, состязания в беге, борьбе и прыжках и всякие игры.

Среди игр самой интересной была, пожалуй, КА (нога). Играть в нее так: в двух противоположных концах стоянки вкапывают в землю мокасины по четыре в ряд с каждой стороны, оставляя между ними по четыре фута. Вечером посередине между двумя рядами мокасин разжигают костер, и игроки становятся по обе стороны от него. Счет ведется на палочках - за каждую выигранную попытку из связки берется одна палочка. Одна из сторон берет кость, натягивает одеяло между костром и шеренгой мокасин, так чтобы их соперники не могли их видеть и начинает петь древнее предание. Та сторона, у

которой находится кость, изображает собой племя пернатых, другая же сторона - зверей. Не прерывая пения, "птицы" прячут кость в одном из мокасин и опускают одеяло. Под звуки песен один из "зверей" обходит костер и ударяет палицей тот мокасин, где, по его мнению, спрятана кость. Если он угадывает верно, кость переходит к его стороне и соперники меняются ролями. Победившей считается та сторона, которая к концу игры наберет больше палочек.

В нашем племени это была самая излюбленная азартная игра. В нее обычно играли по четыре-пять часов и только ночью.

Когда игры заканчивались, гости благодарили хозяев и все расходились. Я, как и вся наша молодежь, всегда радовался, когда устраивались празднества и пляски.

В нашей жизни было место и для веры. И хотя у нас не было ни церкви, ни религиозных учреждений, и мы не отмечали праздников и воскресенья, все же по-своему мы поклонялись Богу. Иногда все племя собиралось, чтобы петь и молиться, порой - лишь несколько человек, а то и вовсе двое-трое. Песни состояли всего из нескольких слов, да и те не были обязательными. Певец мог выбирать любые слова по своему усмотрению. Бывало так, что мы молились молча или каждый молился вслух. А иногда за всех нас молился какой-нибудь почтенный старец. Иногда кто-нибудь вставал и напоминал нам о наших обязанностях по отношению друг к другу и к Усену. Обычно службы наши продолжались недолго.

Когда на нас нападал мор или болезни, наши вожди собирали все племя и спрашивали какое зло мы совершили и как теперь умиловить Усена. Обычно сразу же приносилась жертва или наказывался виновный.

Если Апач допускал, чтобы его престарелые родители голодали или остались без крова, если он оставлял больного без помощи или старался воспользоваться его беспомощным положением, если он святотатствовал или совершал измену - его могли выгнать из племени.

У Апачей не было тюрем, как у белых людей. Вместо того, чтобы сажать преступников в тюрьму, они просто выгоняли их из родного племени. Изменники, трусы, негодяи и лентяи, выгнанные из своего племени, не могли примкнуть ни к какому другому, и наши неписанные племенные законы больше не обеспечивали им защиту. Зачастую, эти изгои объединялись и совершали разбойные нападения на племена. И все же судьба изгнанников была очень тяжела и их банды никогда не достигали больших размеров. Часто разбойничьи вылазки этих банд вызывали справедливый гнев племени, и они подвергались уничтожению.

В возрасте 8-10 лет я впервые стал выходить на охоту, и всегда это было для меня большой радостью.

По прериям тогда бродили огромные стада оленей, антилоп, лосей и бизонов, и мы убивали их, когда в этом возникала нужда.

На бизонов мы охотились верхом, с луками и копьями. Мясо мы ели, а на шкурах спали и покрывали ими типи.

Охота на оленя требовала большого мастерства. Подобраться к нему можно было только с подветренной стороны. Иногда мы часами подкрадывались к пасущимся оленям. Если место было открыто, мы ползли по земле, прикрываясь пучками травы или ветками. Часто нам удавалось убить сразу несколько оленей из одного стада. Оленину мы сушили и складывали в горшки. В таком виде ее можно было хранить многие месяцы. Шкуры мы

замачивали в щелоке, чтобы удалить шерсть, а потом дубили до тех пор, пока они не становились мягкими и податливыми. Олень считался у нас самым ценным из всех животных.

В лесах и у ручьев водилось множество диких индеек. Мы выгоняли их на равнины и неторопливо преследовали верхом, пока они не выбивались из сил. Когда птицы начинали падать, мы подъезжали и ловили их, свешиваясь с лошадей. Если какая-нибудь из них взлетала, мы быстро подъезжали под нее и убивали короткой палкой или охотничьей палицей. Так мы набирали столько индеек, сколько могли увезти наши лошади.

В наших местах в больших количествах попадались кролики. На них мы тоже охотились верхом. Мы скакали за ними во весь опор, и, догнав, били охотничьей палкой. Для подростков такая охота была развлечением, но становясь воинами, мы уже редко охотились на мелкую дичь.

В ручьях было много рыбы, но мы ее не ели и поэтому никогда не ловили. Только мальчишки иногда бросали в рыбу камнями или стреляли по ней из луков. Усен не предназначил нам в пищу змей, лягушек и рыб, и я никогда не дотрагивался до них.

В горах было много орлов. За ними мы охотились из-за перьев. Нужна была большая ловкость, чтобы подкрасться к орлу - ведь у него зоркий глаз, и он очень осмотрителен: никогда не садится там, где нет хорошего обзора.

За свою жизнь мне довелось убить копьем множество медведей, но сам я ни разу не пострадал в схватке с ними. Я также сумел убить нескольких пум – одну копьем, а остальных из лука. Мясо медведей и пум очень вкусно, а их шкуры представляют большую ценность. Убитых животных мы доставляли домой на лошадях. Из шкуры пумы мы делали колчаны для стрел, очень красивые и долговечные.

Во времена моей юности мы никогда не видели белого человека. Не встречались мы и с миссионерами или священниками. Тихо и спокойно протекала жизнь племени Бедонкое.

5. МОЯ СЕМЬЯ

Дед мой, Мако, был вождем нашего племени. Я никогда не видел его, но отец часто рассказывал мне об этом старом воине, обладавшем огромным ростом, незаурядной силой и проницательным умом. В те времена Апачи воевали чаще всего с мексиканцами. Случались стычки и с индейскими племенами, но главные военные действия велись против мексиканских селений, и с ними мир никогда не устанавливался надолго.

Мако умер, когда мой отец был совсем молод, и вождем Бедонкое стал Мангас-Колорадо. Отец мой умер после тяжелой болезни, когда я был еще ребенком. Когда он отошел в мир иной, люди моего племени осторожно закрыли ему глаза, потом обрядили в лучшие одежды, заново раскрасили лицо и, завернув в богатое одеяло, понесли тело в горы под звуки погребальной песни, повествующей о его доблести. Впереди несли его оружие, а сзади шла его любимая лошадь. Перед погребением мы раздали все его имущество, а лошади его были убиты. Тело схоронили в пещере, а рядом положили все его оружие. Могила моего отца скрыта от глаз грудой камней. Окруженный великолепием, он лежит в гордом одиночестве, и ветер, гудящий в соснах, поет поминальную песнь умершему воину.

После смерти отца я принял на себя заботу о матери. Она больше не вышла замуж, хотя по обычаям нашего племени, могла сделать это сразу после его смерти. Однако вдовы с детьми обычно не выходят замуж раньше чем через два-три года после смерти мужа. Если у женщины нет детей, она выходит замуж без промедления.

Когда умирает воин, его вдова возвращается к своим родственникам и может быть выдана замуж или продана своим отцом или братьями. Моя мать предпочла жить одна и никогда не высказывала желания снова выйти замуж. Мы жили рядом с нашим старым домом, и я заботился о ней, как мог.

В 1846 году, когда мне исполнилось семнадцать, я был допущен на совет воинов. Я был счастлив - ведь теперь я мог ходить куда угодно и делать все, что мне заблагорассудится. За мной никто не следил, но по обычаям нашего племени, я не мог выйти на тропу войны, не будучи прежде допущен на совет. Теперь же, как только представится возможность, я вправе принять участие в военных действиях вместе со всеми воинами. Я горел желанием послужить своему народу на поле битвы - ведь я так давно мечтал сражаться бок о бок с нашими мужчинами.

Но самой главной радостью было то, что теперь я мог жениться на прекрасной Элоуп, дочери Нопосо. Я давно был влюблен в эту стройную и нежную девушку. Поэтому, лишь только совет пожаловал мне это право, я сразу же отправился к ее отцу, чтобы поговорить о своих намерениях. Но, вероятно, ему не было дела до нашей любви, а может быть, он просто не хотел отпускать от себя Элоуп, ибо она была послушной и любящей дочерью, - так или иначе, он запросил за нее очень много лошадей. Я ничего не ответил, но через несколько дней появился перед его вигвамом с целым табуном лошадей и забрал Элоуп с собой. В нашем племени этого было достаточно, чтобы считаться мужем и женой.

Недалеко от типи моей матери я устроил новое жилище. Наше типи было покрыто бизоньими шкурами, а внутри были разбросаны шкуры медведей и пум и другие охотничьи трофеи. Там же хранились мои копья, луки и стрелы. Элоуп наделала множество украшений из бус и оленьей кожи и развесила их в нашем типе. На стенах она сделала красивые рисунки. Она была мне хорошей женой, но никогда не отличалась крепким здоровьем. Мы следовали традициям наших отцов и были счастливы. У нас родилось трое детей - они играли, шалили и помогали взрослым в работе, как некогда делал я сам.

ЧАСТЬ II. МЕКСИКАНЦЫ

6. КАСКИЙЕ

РЕЗНЯ

Летом 1858 года, находясь в состоянии мира со всеми мексиканскими поселениями и соседними индейскими племенами, мы отправились на юг, в Старую Мексику, чтобы заняться торговлей. Все племя Бедонкое двинулось через Сонору по направлению к Каса-Гранде, но не дойдя немного до места, остановилось в другом мексиканском городе, который индейцы называли Каскийе. Здесь мы задержались на несколько дней, раскинув лагерь за городом. Каждый день, уходя в город торговать, мы оставляли в лагере небольшой

караул, чтобы никто не тронул женщин и детей и не позарился на наши запасы и оружие.

Однажды, возвратившись в лагерь после полудня, мы обнаружили там лишь нескольких женщин и детей, которые рассказали нам, что здесь побывали мексиканцы из другого селения. Они перебили караул, захватили лошадей и оружие, уничтожили все наши запасы и убили множество женщин и детей. Мы быстро разошлись и скрывались поодиночке до наступления ночи, чтобы позже собраться вместе в условленном месте - в чаще леса на берегу реки. В молчании появлялись один за другим индейцы. Мы выставили часовых и пересчитали оставшихся в живых. И тут я узнал, что вся моя семья погибла: и престарелая мать, и молодая жена, и трое детишек. Было темно, и никем незамеченный, я молча пошел к реке. Не знаю, сколько времени простоял я там в одиночестве, но когда воины стали собираться на совет, я занял среди них свое место.

Той ночью я не проронил ни слова, когда обсуждались наши дальнейшие действия. Положение было слишком безнадежно. Лишенные оружия и припасов, мы находились на чужой земле, окруженные со всех сторон мексиканцами. У нас осталось всего восемьдесят воинов, и рассчитывать на успешное ведение войны было нельзя. Поэтому наш вождь Мангас-Колорадо приказал всем возвращаться домой, в Аризону, оставив убитых не погребенными.

Я стоял неподвижно, пока все не ушли, не зная, что предпринять: оружия у меня не было, да и сражаться я был тогда не в силах. Даже похоронить своих родных мне не было дозволено. Я не стал молиться и так ни на что и не решился - жизнь потеряла для меня всякий смысл. В конце концов, я молча побрел вслед за своим племенем, и шум шагов отступающих Апачей указывал мне путь.

На следующее утро индейцы подстрелили немного дичи и мы остановились, чтобы подкрепиться. Я не охотился и ничего не ел. Никто не заговаривал со мной, и я тоже хранил молчание - любые слова здесь были бы излишни.

Два дня и три ночи мы шли без передышки, останавливаясь только для еды. У мексиканской границы мы разбили лагерь и два дня отдыхали. Здесь я впервые принял пищу и заговорил с теми, кто тоже потерял родных. Однако никто в нашем племени не понес столь большой утраты, какая постигла меня, ибо я потерял все.

Через несколько дней мы вернулись в свое селение. В нашем типе по-прежнему висели украшения, сделанные Элоуп, и везде были разбросаны игрушки наших малышей. Я сжег все это вместе с типом. Типы моей матери я тоже предал огню, а ее вещи уничтожил.

Никогда больше не обрел я покой в нашем тихом доме. Могила отца - вот все, что у меня осталось. Я поклялся отомстить мексиканцам, причинившим мне столько зла, и всякий раз, когда я приближался к отцовской могиле или вспоминал о минувших счастливых днях, в сердце моем загоралась жажда возмездия.

ВОЗМЕЗДИЕ

Как только нам удалось собрать достаточно оружия и припасов, наш вождь Мангас-Колорадо созвал совет, на котором стало ясно, что все воины

готовы вступить на тропу войны, чтобы сражаться против мексиканцев. Мне поручили обратиться за помощью к другим племенам.

Когда я пришел к Апачам племени Чоконен (Чирикауа), их вождь Кочис созвал на заре совет. Молча собрались воины в ложине и расселись на земле рядами по старшинству. Они сидели и безмолвно курили. По знаку их вождя я поднялся и произнес такие слова:

- Сородичи, вы уже знаете, что сделали с нами мексиканцы без всякой причины и повода. Мы с вами связаны узами родства, и все мы такие же люди, как мексиканцы. Мы можем возвратить им то зло, которое они причинили нам. Поднимемся и нападём на них в их же собственных домах - я поведу вас на их селения и сам буду сражаться в первых рядах. Прошу вас, последуйте за мной, и мы отомстим мексиканцам за их злодеяния. Откликнитесь ли вы на мой призыв? Да, теперь я вижу, вы все готовы идти с нами.

Вы знаете закон войны - кому-то суждено возвратиться, а кто-то найдет смерть на поле боя. Если ваши юноши будут убиты, я не хочу, чтобы их родственники винили в этом нас. Они сами сделали свой выбор. Если умру я, никто не должен оплакивать меня. Все мои родные были убиты на земле мексиканцев, и я отдам за них свою жизнь, не задумываясь.

Возвратившись домой, я сообщил об успешном исходе дела нашему вождю и сразу же отправился на юг к Апачам Недни. Их вождь Хоа молча выслушал меня и немедленно созвал совет, на котором я обратился к воинам с такой же речью. И здесь мне тоже была обещана поддержка.

Летом 1859 года, почти через год после резни в Каскийе, все три племени Апачей собрались на мексиканской границе, чтобы ступить на тропу войны. Лица воинов были раскрашены в боевые цвета, полосы кожи, обернутые вокруг лба, стягивали длинные волосы, которым, возможно, суждено было в скором времени оказаться в руках вражеских охотников за скальпами. Семьи воинов укрылись в горах у мексиканской границы под охраной караула. На случай нападения было предусмотрено еще несколько потайных убежищ.

Когда все было готово, вожди отдали приказ выступать. Воины шли пешим ходом. Вся их одежда состояла из куска ткани, обернутого вокруг бедер, и мокасин. Во время сна эта ткань служила воину одеялом, а при переходах вполне заменяла любую другую одежду. Лишняя одежда только мешает в сражении. Каждый воин имел лишь трехдневный запас пищи, но в дороге мы часто охотились и поэтому никогда не испытывали недостатка в провизии.

Мы шли тремя большими отрядами: Бедонкое во главе с Мангас-Колорадо, Чоконен Кочиса и Недни со своим вождем Хоа. Внутри отрядов, однако, не было никакого деления. Ежедневно мы находились в пути по четырнадцать часов, покрывая расстояние в сорок-сорок пять миль и делая три остановки для еды.

Я вызвался быть проводником по Мексике и старался выбирать путь по горам и вдоль рек, чтобы наше передвижение было менее заметным. Мы вошли в Сонору и двинулись на юг мимо Китаро, Накозари и других небольших селений.

Неподалеку от Ариспе мы стали лагерем, и когда из города прискакали восемь мужчин, чтобы вступить с нами в переговоры, мы перебили и скальпировали их всех. Теперь оставалось ждать, когда из города придут войска, и они действительно вскоре появились. Схватка длилась целый день без видимого перевеса какой-либо из сторон, но к вечеру нам удалось захватить их обоз, и теперь у нас было вдоволь провизии и прибавилось ружей.

Вечером мы выставили дозор и спокойно отдыхали всю ночь, готовясь к завтрашнему тяжелому сражению. Рано утром воины собрались на молитву – они не просили о помощи, но призывали небо даровать им силу и ловкость, чтобы избежать засады и не пасть жертвой вражеских уловок.

Как мы и предполагали, около десяти часов утра появились главные силы мексиканцев: два отряда кавалерии и столько же пехоты. Во всадниках я узнал тех солдат, которые убили моих родных в Каскийе. Я сказал об этом вождям и они позволили мне возглавить сражение.

Никогда прежде я не был вождем - эта честь была мне оказана за то, что я пострадал более других, и я горел желанием оправдать столь высокое доверие. Я построил индейцев в круг у реки, а мексиканцы вытянули свою пехоту двумя рядами, оставив кавалерию в резерве. Потом они двинулись на нас и с расстояния четырехсот ярдов открыли стрельбу. Я повел своих воинов в наступление, одновременно выслав горстку храбрецов, чтобы атаковать мексиканцев с тыла. Во время сражения я думал о своей погубленной семье, вспоминал могилу отца и данную мной клятву - все это заставляло меня сражаться с удвоенной яростью. Много солдат полегло тогда от моей руки, и ни на минуту не покинул я места впереди своего воинства. Схватка продолжалась более двух часов, и с обеих сторон было много убитых.

К исходу сражения я оказался посередине поля всего лишь с тремя воинами. У нас не было больше стрел, а изломанные копья остались в телах врагов. Наши руки и ножи - вот все, чем мы еще могли обороняться, но к этому времени все наши противники уже были мертвы. Вдруг на поле показались двое вооруженных солдат. Выстрелами они уложили двоих из нашей четверки, а двое уцелевших бросились бежать в сторону сородичей. Моего товарища ударили саблей, но мне удалось добежать до своих, и, схватив копье, я обернулся к преследователям. Один из них выстрелил, но промахнулся и был сражен моим копьем. Выхватив его саблю, я бросился на солдата, убившего моего товарища, и мы, сцепившись, покатались по земле. Я ударил его ножом и, вскочив на ноги, стал размахивать саблей, готовый поразить всякого, кто приблизится ко мне. Однако больше никто не появился. Эту сцену наблюдали Апачи. И над полем сражения, залитым кровью и усеянным трупами мексиканцев, раздался мощный боевой клич.

Залитый кровью врагов, с завоеванным оружием в руках, я стоял на поле брани, упиваясь радостью победы и справедливого возмездия. Воины окружили меня и провозгласили вождем Апачей. Я отдал приказ снять с убитых скальпы.

Увы, я не мог вернуть своих родных или вернуть к жизни убитых воинов, но все же справедливость восторжествовала - Апачи отомстили за побище в Каскийе.

7. ТЯГОТЫ ВОЕННЫХ ПОХОДОВ

Хотя Апачи вполне удовлетворились одержанной победой и не собирались предпринимать дальнейших шагов, мной по-прежнему владела жажда мести. Несколько месяцев мы занимались охотой и другими мирными делами. Наконец мне удалось уговорить двух воинов, Акочне и Кодене, пойти со мной в Мексику.

Оставив свои семьи в племени, мы отправились воевать. Мы шли пешком и несли с собой трехдневный запас провизии. Мексиканскую границу

мы пересекли к северу от Соноры и дальше двинулись на юг вдоль горного хребта Сьерра-де-Антуаньес. Там мы решили напасть на маленькую деревушку, названия которой я не помню. При свете дня мы подошли к ней со стороны гор. За деревней паслись на привязи несколько лошадей. Мы стали осторожно приближаться, но тут мексиканцы заметили нас и открыли стрельбу из окон своих домов. Оба моих товарища были сразу же настигнуты пулями. Ко мне со всех сторон устремились вооруженные мексиканцы, конные и пешие. В тот день я трижды попадал в окружение, но оружие и хитрость помогли мне избежать смерти. За день мимо моего укрытия прошел не один мексиканец с ружьем в руках, и всякий раз я не давал промаха. С наступлением темноты я стал пробираться обратно в Аризону. Но мексиканцы не оставили попыток разделаться со мной. На следующий день несколько верховых пытались преследовать меня, ведя непрерывную стрельбу. У меня вышли все стрелы, и мне оставалось только бежать и скрываться, преодолевая сильную усталость. С самого начала погони я ничего не ел и боялся останавливаться, чтобы передохнуть. Следующей ночью я наконец избавился от своих преследователей, но не решился замедлить шаг, пока не добрался до своего дома в Аризоне. Я вернулся на нашу стоянку, потеряв своих товарищей, измученный и без добычи, но дух мой не был сломлен.

Люди жалели жен и детей моих убитых товарищей. Некоторые винили меня за столь плачевный исход этой вылазки, но я ничего им не отвечал. После такой неудачи я счел за лучшее хранить молчание. Но чувства мои к мексиканцам не изменились - я по-прежнему ненавидел их и был одержим желанием отомстить. Ни на минуту не оставлял я мысли о возмездии, но воины и слышать не хотели о новых набегах.

Спустя несколько месяцев мне удалось уговорить еще двух воинов перейти со мной мексиканскую границу. Во время прошлого похода мы добрались до Соноры через земли племени Недни. На этот раз мы вышли к горам Сьерра-Мадре, пройдя по территории, принадлежавшей племени Чоконен. Затем мы повернули на юг и, запасшись провизией, стали готовиться к набегам. Выбрав небольшую деревушку у подножия гор, мы решили напасть на нее на рассвете. Однако ночью наш лагерь был обнаружен мексиканскими разведчиками, которые открыли огонь, убив одного из воинов. Утром мы увидели, что с юга приближается военный отряд мексиканцев. Все солдаты были верхом и везли с собой припасы, рассчитанные на долгое путешествие. Мы тайно следовали за ними, пока не убедились, что они направляются к нашим землям в Аризоне. Тогда мы обогнали их и через три дня были в родном селении. Вернулись мы в полдень, и не прошло и трех часов, как мексиканцы напали на нашу стоянку. Первым же залпом были убиты трое маленьких мальчиков. Большинство мужчин были в это время на охоте, но те немногие, что оказались в селении, сумели еще до ночи вытеснить мексиканцев с гор. Мы убили восьмерых нападавших, а сами потеряли пятерых: двух воинов и трех мальчиков. Отступив, мексиканцы поскакали обратно на юг. За ними вслед были посланы четыре воина, которые вернулись через три дня и сообщили, что мексиканская кавалерия покинула Аризону. Было ясно, что вернутся они нескоро.

Вскоре после этих событий, летом 1860 года, я снова решил выступить против мексиканцев, имея под началом уже двадцать воинов. Мы двинулись по следу мексиканского отряда, напавшего на нас, и вышли к горам Сьерра-де-Сагуарипа. На следующий день наши разведчики обнаружили в горах конный

отряд мексиканцев. Он был не слишком многочисленным, и я подумал, что если застать их врасплох, мы с легкостью одержим победу. В ущелье, через которое проходил отряд, была устроена засада. Пропустив солдат, мы по сигналу выступили из укрытия. Мексиканцы, не дожидаясь приказа, спешили и используя лошадей в качестве прикрытия, вступили с нами в перестрелку. Когда мне стало ясно, что мы не сможем выбить их оттуда, не истратив все наши боеприпасы, я повел своих воинов в наступление. Мы окружили мексиканцев и стали сражаться врукопашную.

В пылу сражения я замахнулся копьём на одного из мексиканцев в тот момент, когда он целился в меня из ружья. Стремительно подавшись вперед, я поскользнулся на луже крови и упал под ноги атакованному мной солдату. Он ударил меня по голове прикладом своего ружья, и я потерял сознание. Но тут как из-под земли вырос индейский воин и поразил солдата копьём. Через несколько минут в живых не осталось ни единого мексиканца. Когда стих воинственный клич Апачей и с врагов были сняты скальпы, настало время позаботиться о раненых и убитых. Меня нашли лежащим без движения на том месте, где я упал, сраженный неприятельским ударом. Воины облили мне голову холодной водой, и я пришел в сознание. Потом мне перевязали рану, и на следующее утро, несмотря на слабость из-за большой потери крови и отчаянную боль в голове, я уже был в состоянии двинуться со всеми обратно в Аризону. Несколько месяцев я не мог оправиться от этой раны, а шрам от нее я ношу и поныне. Наши потери в той схватке были столь велики, что победа не принесла нам торжества. Когда мы вернулись в Аризону, никто больше не хотел воевать.

Летом 1861 года, с отрядом в двенадцать человек я снова отправился в Мексику. Мы добрались до Чиуауа и четыре дня шли на юг по восточной стороне горного хребта Сьерра-Мадре, а затем свернули в сторону гор Сьерра-де-Сагуарипа недалеко от Каса-Гранде. Там мы остановились на отдых и выслали разведчиков. Они сообщили, что видели грузный обоз в пяти милях к западу. На следующее утро, на заре, когда обоз собирался в путь, мы внезапно атаковали его. Сопровождавшие его погонщики, спасая свою жизнь, ускакали прочь, оставив нам богатую добычу. Мулы были нагружены провизией, большую часть из которой мы решили забрать с собой. Два мула везли бекон, который мы тут же выбросили прочь. Мы погнали обоз домой, пересекая Сонору с юга на север, но недалеко от Каситы нас нагнали мексиканские войска. Это случилось на рассвете, когда мы заканчивали завтрак. Мы не подозревали о погоне и не замечали неприятеля, пока не раздались выстрелы. При первом же залпе у моего лица просвистела пуля, задев левый глаз. Я упал, лишившись сознания. Остальные индейцы разбежались. Мексиканцы, посчитав меня убитым, пустились в погоню за моими товарищами. Через несколько мгновений я очнулся и бросился со всех ног в лес, но сразу же попал под обстрел новой партии солдат, появившейся на поляне. Тем временем вернулись солдаты, преследовавшие остальных индейцев, и я оказался в самой гуще врагов. Вокруг меня засвистели пули, и одна из них попала мне в бок. Я бросился бежать, и вскоре мне удалось ускользнуть от преследования, забравшись на край отвесного каньона, недоступного для скакавших верхом мексиканцев. Они видели, где я нашел убежище, но не отважились спешиться и последовать за мной, поступив, как мне кажется, весьма благоразумно. Мы заранее назначили место сбора в Аризоне, в горах Санта-Бита, на случай, если произойдет что-либо непредвиденное. Поэтому каждый добирался туда

самостоятельно, и через три дня все собрались в условленном месте. Оттуда мы вернулись домой с пустыми руками. Увы, и на этот раз на поход не увенчался победой над врагом. Я снова был ранен, но все же не терял присутствия духа. Люди опять винили меня во всех неудачах, но, как и прежде, я хранил молчание.

После возвращения часть воинов отправилась на охоту, а другие ушли на север торговать с Навахо. Я же остался дома, чтобы залечить свои раны. И вот однажды на рассвете, когда наши скво разжигали костры, чтобы приготовить завтрак, три отряда мексиканцев, незаметно окружив наш лагерь ночью, открыли стрельбу. О сопротивлении нечего было и думать. Мужчины, женщины и дети побежали кто куда, спасая свою жизнь. Было убито множество женщин и детей и несколько воинов.

Четверых женщин мексиканцы захватили в плен. Один мой глаз был поврежден и не открывался, но другой видел достаточно хорошо, чтобы я без промаха мог пустить стрелу во вражеского офицера и скрыться среди скал. Солдаты подожгли наши типи и забрали оружие, лошадей, провизию и одеяла. А ведь на пороге стояла зима.

В тот день в лагере находилось не более двадцати воинов, и лишь немногие из них сумели сохранить оружие во время вторжения мексиканцев. Несколько воинов последовали за солдатами, возвращавшимися в Мексику с добычей, но их было слишком мало, чтобы вступить в сражение. Прошло очень много времени, прежде чем мы опять смогли выступить против мексиканцев.

Четверых захваченных женщин солдаты привезли в Сонору, где их заставили работать на мексиканцев. Через несколько лет им удалось убежать в горы. С собой они взяли только ножи, похищенные у мексиканцев. Одеял у них не было, поэтому для ночлега они строили шалаши из веток. Однажды ночью, когда костер, горевший у входа в шалаш, почти совсем погас, женщины услышали грозное рычание. Франсиска, самая молодая из женщин (ей было всего семнадцать), начала было разводиться костер, как вдруг огромная пума вломилась в шалаш и набросилась на нее. От неожиданности девушка уронила нож, и ей пришлось защищаться голыми руками. Но пума была слишком грозным противником: несмотря на отчаянное сопротивление своей жертвы, она в клочья разорвала ей плечо, пытаясь добраться до горла. Потом она поволокла девушку прочь, ухватив ее за ногу, и та, почувствовав, что теряет последние силы, стала отчаянно звать на помощь. Цепляясь за камни и кусты, несчастная безуспешно пыталась освободиться. Наконец, пума остановилась и наклонилась над распростертым телом. Девушка пронзительно закричала, и подоспевшие женщины закололи зверя ножами. Потом они перевязали Франсиске и выхаживали ее целый месяц. Когда она поправилась, они пустились в путь и вскоре благополучно добрались до своего племени.

Эта женщина вместе с другими Апачами жила в резервации Форт Стил на положении военнопленной, до самой своей смерти в 1892 году. Лицо ее было изуродовано страшными шрамами, и она плохо двигала руками. Трое других женщин успели умереть еще до того, как мы попали в плен.

Мексиканцы зачастую насильно уводили наших женщин и детей. Немногим из них было суждено вернуться обратно, а те, которые пытались, претерпевали множество злоключений, прежде чем добирались до своих. Те же, кому не удавалось бежать, становились рабами мексиканцев или их ожидала еще более печальная участь.

Пленных индейских воинов мексиканцы держали в цепях. Четверо воинов, захваченных в плен к северу от Каса-Гранде в месте, которое индейцы называли Хонас, провели в цепях полтора года, прежде чем их обменяли на пленных мексиканцев.

Мы никогда не держали пленников в заключении и не заковывали их в цепи. Пленные мексиканцы пилили у нас деревья и пасли лошадей. К их женщинам и детям мы относились так же как к своим.

8. УСПЕШНЫЕ ПОХОДЫ

Летом 1862 года в сопровождении восьми воинов я вновь предпринял вылазку на мексиканскую территорию. В течение пяти дней мы продвигались к югу по западной стороне горного хребта Сьерра-Мадре, а потом повернули к южным отрогам Сьерра-де-Сагуарипа. Там мы разбили лагерь и стали ждать появления обоза. Около десяти утра показались четыре всадника, сопровождавшие длинный караван тяжело нагруженных мулов. Увидев нас, они сразу ускакали, оставив нам богатую добычу. Там были одеяла, ситец, седла, оловянная посуда и сахарные головы. Захватив все это добро, мы поспешили домой. Уже в Аризоне при переходе через каньон в горах Санта-Каталина, мы повстречали белого человека с караваном мулов. Он увидел нас первым и, когда мы заметили его, уже мчался во весь опор вверх по каньону. Оказалось, что все его мулы были нагружены сыром. Привязав их к первому каравану, мы продолжили путь. Мы не стали преследовать всадника, да и он, видимо, не имел желания пуститься за нами в погоню.

Через два дня мы были дома. Наш вождь Мангас-Колорадо собрал все племя на празднество, и мы, разделив добычу, танцевали и веселились всю ночь. На пиру было забито и съедено несколько мулов.

На этот раз после возвращения мы выслали разведчиков, чтобы они предупредили нас о появлении мексиканцев.

Через два дня разведчики принесли известие, что к нашему селению приближается мексиканская конница. Все воины были в лагере. Один из отрядов возглавил Мангас-Колорадо, другим выпало командовать мне. Мы рассчитывали сначала захватить лошадей (мексиканцы спешили, подходя к лагерю), а потом окружить и уничтожить неприятельский отряд. Однако план наш не удался, так как у мексиканцев тоже были разведчики. Тем не менее, через четыре часа наши враги вынуждены были отступить, потеряв десять солдат, в то время как у нас был убит лишь один.

Три десятка вооруженных Апачей преследовали их до самой мексиканской границы, не давая ни минуты передышки. Больше той зимой мексиканцы не появлялись.

Теперь у нас было вдоволь провизии одеял и одежды, а запасов сыра и сахара хватило до весны.

На следующее лето я отправился в Мексику всего с тремя воинами. Мы прошли через Сонору, останавливаясь на ночлег в горах Сьерра-де Сагуарипа. В сорока милях к западу от Каса-Гранде, в горной местности, которую индейцы называют Крассанас, раскинулось небольшое мексиканское селение. Разбив неподалеку лагерь, мы стали готовиться к нападению.

В середине дня жизнь в селении замирала, и поэтому мы решили выступить в полдень. Вооруженные копьями и луками, мы пробрались в

селение и огласили его воинственным криком. Жители в страхе разбежались, не оказав нам никакого сопротивления.

Мы пустили вслед убежавшим мексиканцам несколько стрел, но сумели убить лишь одного. Вскоре селение опустело и над ним воцарилась тишина.

В покинутых домах мы увидели множество любопытных вещей. У мексиканцев гораздо больше всякой утвари, чем у Апачей. Назначение многих предметов нам было непонятно, однако в кладовых мы обнаружили как раз то, что нам было нужно. Пригнав целое стадо лошадей и мулов, мы нагрузили их провизией и утварью. Собрав их в караван, мы отправились в путь и скоро благополучно добрались до Аризоны. Мексиканцы даже не делали попыток преследовать нас.

Возвратившись домой, мы собрали все племя и пировали весь день. Каждый получил свою долю. Вечером начались пляски, которые продолжались до середины следующего дня.

Это был наш самый удачный поход на мексиканскую территорию. Не знаю, сколь велика была ценность нашей добычи, но ее было так много, что все племя целый год жило на этих запасах.

Осенью 1864 года со мной в Мексику собрались идти двадцать воинов. Это были опытные бойцы, хорошо вооруженные и готовые к сражениям. Перед походом мы, как обычно, позаботились о безопасности наших семей. Все жители племени разошлись в разные стороны, а затем вновь собрались в условленном месте в сорока милях от прежней стоянки. Теперь мексиканцам нелегко будет отыскивать их, а мы, вернувшись, будем знать, где найти наши семьи. И кроме того, если какие-нибудь враждебно настроенные индейцы увидят, что наши воины уходят, они могут напасть на покинутое селение, но, не найдя никого на привычном месте, повернут назад ни с чем.

Пройдя по землям племени Чоконен, мы вошли в Сонору против Тумстоуна и укрылись в горах Сьерра-де-Антуньес.

Совершив несколько набегов на окрестные селения, мы завладели большим количеством продовольствия. Через три дня нам удалось захватить вьючный обоз в местности, которую индейцы называют Понтоко. Она находится в горах на расстоянии однодневного перехода к западу от Ариспе.

Обоз сопровождали трое всадников. Один из них был убит, а двое других сбежали. В плетенных корзинах мы обнаружили бутылки с мескалем. Как только мы разбили лагерь, все мои воины напились допьяна и затеяли драку. Хотя я тоже выпил изрядное количество мескаля, однако пьяным себя не чувствовал. Я приказал прекратить драку, но никто не подчинился моему приказу. Вскоре дрались уже все. Я пытался выставить караул вокруг лагеря, но все мои воины были пьяны и совершенно вышли из повиновения. Положение становилось серьезным, так как в любой момент могли нагрянуть мексиканцы. Возглавив этот поход, я прекрасно сознавал, что при любом неблагоприятном исходе дела вся ответственность ляжет на меня. Наконец в лагере наступило относительное спокойствие: индейцы были слишком пьяны, чтобы продолжать драку. Пока они находились в пьяном оцепенении, я вылил весь оставшийся мескаль, загасил костры и отогнал мулов подальше от лагеря. Потом я вернулся в лагерь, чтобы помочь раненым. Только двое были ранены серьезно. У одного из них я вырезал из ноги стрелу, а у другого извлек из плеча наконечник стрелы. Перевязав им раны, я провел остаток ночи в дозоре. Утром мы посадили раненых на мулов и пустились в обратный путь в Аризону.

На следующий день мы повстречали стадо и, захватив часть скота, погнали его с собой. Однако без лошадей нам было довольно трудно управляться. Всю дорогу приходилось ухаживать за ранеными и следить, чтобы не разбежался скот. Но нас никто не преследовал, и мы благополучно добрались до дома, сохранив всю свою добычу.

По случаю нашего возвращения был устроен праздник с плясками и раздачей подарков. Когда веселье закончилось, мы перебили весь скот и высушили мясо. Выделав шкуры, мы переложили ими сушеное мясо и убрали его на хранение. Всю ту зиму у нас было вдоволь мяса. Мы впервые ели говядину. Обычно мы забивали и ели мулов. Вообще, от мулов нам не было никакого проку, и мы убивали их, если не могли обменять на что-то более ценное.

Летом 1865 года я с четырьмя воинами предпринял очередной поход в Мексику. Прежде мы всегда отправлялись пешком: без лошадей было легче сражаться и скрываться от преследования. Но на этот раз мы собрались опять пригнать скот, а справляться с ним без лошадей было трудно. От Тумстоуна мы повернули на юго-запад, и, войдя в Сонору, добрались до южной оконечности гор Сьерра-де-Антуньес, а затем продвинулись далеко на юг, дойдя до самого устья Яки. Там мы увидели огромное озеро, берега которого терялись вдали. Повернув на север, мы напали на несколько мексиканских деревушек, где нас ждала богатая добыча. К северо-западу от Ариспе мы захватили около шестидесяти коров и погнали их в Аризону. По пути домой мы несколько раз становились лагерем, давая скоту пастись в долинах. Никто нас не преследовал. Когда мы вернулись, все племя собралось на праздник, и каждый получил подарки. Потом мы забили коров и заготовили мяса на всю зиму.

9. ПЕРЕМЕНЧИВОЕ СЧАСТЬЕ

Осенью 1865 года я снова отправился в пеший поход на мексиканскую землю. Меня сопровождали девять воинов. Опустошив несколько селений к югу от Каса-Гранде, мы захватили множество лошадей и мулов и погнали их на север через горы. Как-то раз вечером, разбив лагерь неподалеку от Ариспе и не предполагая за собой погони, мы пустили скот попасть в долине. Она была окружена крутыми горами, а у выхода из нее расположился наш лагерь, так что животные не могли пройти мимо нас незамеченными. Не успели мы приступить к ужину, как появились разведчики с известием, что к лагерю приближаются мексиканцы. Мы бросились к своим лошадям, но тут на скалах, прямо над нашей головой, появились мексиканские солдаты, которых не заметили наши разведчики, и дали залп из ружей. Нам пришлось разбежаться, и мексиканцы забрали всю нашу добычу. Через три дня мы собрались в условленном месте в горах Сьерра-Мадре на севере Соноры. Солдаты не стали преследовать нас, и мы возвратились в Аризону без потерь, но и без добычи. Несмотря на неудачу, мне не терпелось вновь встретиться с врагом.

В начале лета 1866 года я с отрядом из тридцати всадников вторгся на мексиканскую территорию. Мы двинулись на юг через Чиуауа и, достигнув Санта-Круса, перешли через горы Сьерра-Мадре по руслу реки. Оттуда мы направились на запад и, выйдя к горам Сьерра-де-Сагуарипа, повернули на север и двинулись вдоль хребта. Захватив множество лошадей, мулов и коров, мы повернули на север и погнали их через Сонору в Аризону. По пути домой

мы часто встречали мексиканцев, но они не делали попыток преследовать нас. Вернувшись в свое селение, мы раздали подарки и вместе со всеми пиروвали и веселились. Во время этого похода нам удалось убить пятьдесят мексиканцев.

На следующий год Мангас-Колорадо повел в Мексику восемь воинов. Я пошел с ним как простой воин, так как был рад любому случаю сразиться с мексиканцами. Мы въехали в Сонору на лошадях неподалеку от Тумстоуна. Там мы напали на ковбоев и после короткой стычки, в которой двое из них были убиты, угнали весь скот.

На следующий день неподалеку от Ариспе нас нагнали мексиканские войска. Солдаты ехали верхом и были хорошо вооружены. Мы не выслали разведчиков и увидели их лишь тогда, когда они были уже в полумиле от нас. Побросав скот, мы во весь опор поскакали в сторону гор, однако вскоре мексиканцы стали нагонять нас и вслед нам полетели пули. К сожалению, они были вне досягаемости наших стрел и мы не могли ответить им тем же. Наконец мы достигли леса и, спешившись, стали отстреливаться из укрытия. Тогда мексиканцы остановились, и забрав наших лошадей, поскакали по направлению к Ариспе, угоняя с собой весь наш скот. Мы молча смотрели им вслед, пока они не скрылись вдаль, а потом отправились к себе в Аризону.

Через пять дней мы были дома, но на сей раз нам нечем было похвастаться: мы вернулись без победы, без добычи и даже без собственных лошадей. Поход наш закончился весьма бесславно.

Однако воины, принявшие участие в этом походе, горели желанием снова отправиться в Мексику. Они страдали от насмешек остальных и хотели поправить дело. Мангас-Колорадо не стремился больше в Мексику, и поход пришлось возглавить мне. Мы оправились в Ариспе и разбили лагерь в горах Сьерра-де-Сагуарипа. Вшестером мы совершили несколько ночных набегов на окрестные селения, захватив множество лошадей и мулов, которых мы нагрузили добытой провизией, седлами и одеялами. Со всем этим мы пустились в обратный путь, совершая переходы лишь по ночам.

Вернувшись в свое селение, мы прежде всего выслали разведчиков, чтобы предупредить неожиданное появление мексиканцев, а потом собрали все племя на праздник и разделили привезенную добычу. По сути дела, Мангас-Колорадо не заслужил своей доли, но мы не стали придавать этому значения. На этот раз мексиканцы так и не появились в Аризоне.

Однако через год после этих событий мексиканцы угнали всех лошадей и мулов, принадлежащих нашему племени. В тот год мы не делали вылазок на мексиканскую территорию и потому не ожидали нападения. Все воины уже успели вернуться после охоты в лагерь.

В два часа пополудни около нашего селения появились два мексиканских разведчика, которых мы сразу убили. Но в это время солдаты успели увести всех наших лошадей и мулов. Нечего было и думать догнать их пешком. Я взял с собой двадцать воинов и пустился по их следу. Мы обнаружили все стадо на одном из ранчо в Соноре, неподалеку от Накозари. Вступив в схватку с ковбоями, охранявшими скот, мы убили двоих, сами при этом не потеряв ни одного человека. Одержав верх, мы забрали своих животных, прихватив заодно и всех остальных.

По нашим следам двинулись девять ковбоев. Отправив стадо вперед, я с тремя воинами отстал от своих товарищей, чтобы преградить путь преследователям.

У аризонской границы мы наконец обнаружили их и нам удалось проследить, где они разбили лагерь и привязали своих лошадей. В полночь мы проникли на вражескую стоянку и увели всех лошадей, пока ковбои безмятежно спали. Оседлав похищенных лошадей, мы поскакали во весь опор за своими и вскоре нагнали их. Они передвигались только ночью, а день проводили где-нибудь в укрытии. Пустив лошадей в стадо, мы снова отошли назад, чтобы задерживать всякого, кто попытается преследовать нас. Нам так и не пришлось узнать, что же делали эти девять ковбоев на следующее утро. Больше нас никто не преследовал. Когда мы вернулись в селение, жители встретили нас с ликованием. Неплохая была шутка увести лошадей из-под носа у спящих мексиканцев.

После этого мы долго не повторяли набегов и мексиканцы тоже не беспокоили нас.

10. ТЯЖЕЛЫЕ БОИ

В 1873 году мексиканцы вновь напали на наше селение, но мы сумели постоять за себя. В ответ было решено возобновить походы в Мексику. Погрузив пожитки на мулов и лошадей, все племя двинулось на мексиканскую территорию и остановились там в горах неподалеку от Накори. Не желая, чтобы мексиканцы следили за нашими передвижениями, мы убивали всех, кто попадался нам на пути. Однако, если жители не оказывали сопротивления и не доставляли особых хлопот, мы просто брали их в плен. Нам приходилось часто менять место стоянки, и каждый раз мы забирали пленников с собой. Те же, кто проявлял неповиновение, рисковали быть убитыми. Помню, как один мексиканец в горах Сьерра-Мадре попытался дать нам отпор. Мы решили разделаться с ним, надеясь, что его имущество вознаградит нас за вынужденную задержку. Но, убив этого смельчака, мы не обнаружили в его доме ничего ценного.

В этих горах мы провели целый год, совершив множество набегов на мексиканские селения и одновременно избежав серьезных столкновений с войсками, а затем возвратились к себе в Аризону. Пробыв там около года, мы вновь пришли в Мексику, найдя убежище в горах Сьерра-Мадре. Разбив лагерь неподалеку от Накори, мы начали было собирать отряды для нападения на окрестные селения, но тут разведчики принесли весть, что на нас движутся мексиканские войска.

СРАЖЕНИЕ У БЕЛОЙ ГОРЫ

С нами был вождь племени Недни - Хоа, который возглавил один из отрядов. Мы двинулись навстречу противнику и в пяти милях от лагеря столкнулись с мексиканцами. Когда солдаты увидели нас, они быстро поскакали на вершину горы и там, спешившись, поставили заслон из лошадей. На склонах этой горы, крутой и каменистой, не росли деревья. У мексиканцев было два отряда конницы, у нас - около шестидесяти воинов. Прячась за камнями, мы полезли на вершину горы, осыпаясь вражескими пулями. Однако я заранее предупредил своих воинов, чтобы они не показывались противнику.

Было очевидно, что мексиканцы понапрасну тратят свои заряды. Вскоре мы перебили всех вражеских лошадей, однако солдаты продолжали стрелять, укрываясь за их трупами. Нам удалось убить нескольких мексиканцев, не потеряв при этом ни одного воина. Но поскольку приблизиться к ним вплотную было невозможно, я решился идти на приступ.

Прошло уже несколько часов, а мы все никак не могли достичь цели. И тогда я подал знак к наступлению. Раздался военный клич, и мы, вскочив из-за камней, бросились вперед. Перебравшись через мертвых лошадей, мы вступили в рукопашный бой с мексиканцами. Атака была столь неожиданной, что повергла их в полное смятение, и вскоре все они были перебиты. Скальпировав убитых врагов, мы забрали все их оружие и унесли своих раненых и мертвых. Ночью мы перебросили свой лагерь в Чиуауа. Там нас никто не беспокоил, и спустя год мы благополучно вернулись в Аризону.

Каждый год мы проводили какое-то время в Старой Мексике. В Аризоне возникло много поселений, дичи не всегда хватало, да и, по правде, нам просто нравилось бывать в Мексике. Кроме того, земли племени Ненди, наших друзей и сородичей, простирались далеко вглубь мексиканской территории. Их вождь Хоа относился ко мне, как к родному брату, и поэтому мы часто гостили на землях его племени.

В 1880 году, когда мы стояли лагерем в горах к югу от Каса-Гранде, на нас опять напали мексиканцы. На двадцать с лишним мексиканских солдат приходилось сорок индейских воинов. Мексиканцы застали нас врасплох и первым залпом убили двоих наших воинов. Не представляю, как они могли найти нашу стоянку, - не иначе как у них были превосходные разведчики, а наш дозор сплеховал, - но они успели открыть стрельбу еще до того, как мы узнали об их приближении. Лагерь наш находился в лесу, и поэтому я отдал приказ выступить вперед и принять ближний бой. Скрываясь за деревьями и камнями, мы подошли к мексиканцам на расстояние десяти ярдов, а затем поднялись и вступили с ними в перестрелку. Через некоторое время все мексиканцы были убиты, мы же потеряли в этом бою двенадцать воинов.

Место это имело индейское название Сколата. Похоронив убитых и забрав провизию, мы отправились на северо-восток. Неподалеку от Накори в месте, которое индейцы называют Ноноде, нас снова атаковали мексиканцы. С нашей стороны было около восьмидесяти воинов Бедонкое и Недни, со стороны мексиканцев - три вооруженных отряда. Солдаты напали на нас на открытом пространстве, и мы, отстреливаясь, рассыпались в разные стороны. Они пытались преследовать нас, но, рассеявшись, мы быстро избавились от погони. После этого все собрались в горах Сьерра-Мадре где был создан совет. Поскольку мексиканские войска теснили нас отовсюду, было решено разойтись поодиночке.

Через четыре месяца мы вновь собрались в Каса-Гранде, чтобы заключить мирный договор. Мы договорились жить в мире с вождями Каса-Гранде и всеми его жителями. Мы скрепили договор рукопожатием и назвали друг друга братьями. Когда мы начали торговать с мексиканцами, они в обмен на наши товары дали нам мескаля. Скоро почти все индейцы были пьяны. В это время из другого города прибыли два отряда мексиканских солдат. Пользуясь нашей беспомощностью, они вероломно напали на нас: двадцать индейцев было убито, многие захвачены в плен, а остальные разбежались кто куда.

11. ГЛАВНОЕ СРАЖЕНИЕ ДЖЕРОНИМО

После предательства и избиения в Каса-Гранде люди нашего племени долго не собирались вместе, а когда это произошло, все мы вернулись в Аризону, где некоторое время жили в резервации Сан-Карлос. Теперь это место называется Джеронимо. В 1883 году мы снова отправились в Мексику, где провели в горах четырнадцать месяцев, постоянно вступая в столкновения с мексиканскими войсками. В 1884 году мы вернулись в Аризону, чтобы пополнить свои ряды новыми воинами для очередного похода в Мексику. Мексиканцы сосредоточили большое количество войск в горах, и перевес на их стороне был столь велик, что нечего было надеяться на успешное сопротивление. Мы устали от бесконечного преследования.

В Аризоне у нас было много стычек с американскими войсками, в которых мы потеряли пятнадцать воинов, и нам пришлось вернуться в Мексику без пополнения. Там мы разбили лагерь в горах к северу от Ариспе. Вскоре наши разведчики обнаружили, что вокруг полно мексиканских солдат. С севера наступали американские войска. И хотя ружей и боеприпасов у нас было достаточно, мы все же не желали оказаться между войсками и потому, сняв лагерь, двинулись на юг.

Как-то вечером мы встали на берегу ручья у подножия горы. По его берегам кое-где росли невысокие деревья, а на дне глубокого русла было совсем немного воды.

В те дни мы никогда не разбивали лагерь, не выслав предварительно разведчиков, так как в любую минуту могли ждать нападения. На рассвете следующего дня разведчики сообщили, что на нас движутся мексиканские войска. Через пять минут мексиканцы уже обстреливали наш лагерь. Мы укрылись в расщелинах по берегам ручья, и женщины, и дети сразу начали углублять их. Я отдал воинам приказ держаться под прикрытием и не тратить попусту зарядов. Сражение продолжалось до самого вечера: мы убили множество мексиканцев, но и сами понесли большие потери. Получив отпор в одном месте, солдаты отступали, меняли позиции, и шли на приступ в другом.

К полудню они уже произносили мое имя с проклятиями. Днем на поле сражения появился генерал, и схватка стала еще более ожесточенной. Я приказал своим воинам убить всех неприятельских офицеров. В три часа дня генерал собрал всех офицеров в правой стороне поля. Место их встречи находилось недалеко от русла ручья, к нему тянулась небольшая расщелина. По ее дну я осторожно подполз к тому месту, где стояли офицеры. Их генерал был старым воином. Ветер дул в мою сторону, и я мог слышать все, что он говорил. Вот что он сказал своим людям:

- Офицеры, вон там под берегом окопался этот красный дьявол Джеронимо со своей проклятой бандой. Сегодняшний день должен стать для него последним. Идите на приступ и не щадите ни женщин, ни детей. В плен никого не брать - нам нужны только мертвые индейцы. Не жалейте людей - мы должны уничтожить эту шайку любой ценой. Я расставлю раненых, чтобы они стреляли по дезертирам. Идите к своим отрядам и наступайте.

Как только была дана команда к наступлению, я выстрелил в генерала, и он упал. Сразу вокруг меня засвистели пули, но ни одна не попала в цель. Все это видели Апачи. Из всех расщелин послышались грозные воинственные крики моих людей. Колонна солдат дрогнула и устремилась вперед. Однако наш меткий огонь, уничтоживший все передние ряды, заставил неприятеля

отступить. До темноты было предпринято еще несколько атак, хотя и не таких ожесточенных. Солдаты по-прежнему посылали мне проклятия и угрозы. Вечером, незадолго до прекращения огня, несколько индейцев, незаметно выбравшись из расщелин, подожгли траву позади мексиканского войска. Воспользовавшись наступившим замешательством, мы сумели скрыться в горах.

Это было мое последнее сражение с мексиканцами. С этого времени нас стали преследовать американские войска, так продолжалось до тех пор, пока в каньоне Скелетов не был подписан договор с генералом Майлсом.

В своих многочисленных столкновениях с мексиканцами я получил восемь ран: в правой ноге над коленом до сих пор сидит пуля, прострелено левое предплечье, на правой ноге под коленом шрам от сабельного удара, на голове рана от удара прикладом, след пули в углу левого глаза, пулевые раны в боку и в спине. Сам я убил множество мексиканцев. Не знаю сколько, ибо я часто не считал их. Среди них были такие, которых и не стоило считать.

С тех пор прошло много времени, но я по-прежнему не люблю мексиканцев. Они всегда поступали со мной подло и вероломно. Сейчас я стар и больше никогда не выйду на тропу войны, но если бы ко мне вернулась молодость и мне вновь пришлось ступить на эту тропу, она привела бы меня в Мексику.

ЧАСТЬ III. БЛЕДНОЛИЦЫЕ

12. ПРИХОД БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Как раз в то время, когда произошла резня в Каскийе (1858г.), до нас дошли слухи, что к югу от наших земель какие-то бледнолицые мерят землю. Взяв с собой нескольких воинов, я отправился посмотреть на них. Без переводчика нам было довольно трудно объясниться, но все же мы заключили договор, пожав друг другу руки и дав обещание стать отныне братьями. После этого мы разбили неподалеку лагерь, и они пришли к нам торговать. В обмен на рубахи и провизию мы отдали им оленьи шкуры, одеяла и лошадей. Еще мы принесли им убитую дичь, за которую они заплатили нам деньгами. Мы не знали, чего стоят эти деньги, но решили сохранить их и позже узнали от Навахо, что они имеют большую ценность.

Каждый день эти люди мерили землю какими-то странными приспособлениями и расставляли знаки, значения которых мы не понимали. Нам они пришлись по душе, и мы были весьма огорчены, когда они ушли на запад. Это были не солдаты. Так я впервые встретился с бледнолицыми.

Через десять лет бледнолицые появились снова. На сей раз это были солдаты. Они стали лагерем на реке Хила к югу от Горячих Ключей. Сначала они вели себя вполне дружелюбно, и мы не испытывали к ним вражды. Однако понравились они нам меньше, чем те, которые приходили вначале.

Примерно через год наши отношения испортились, и мне пришлось взяться за оружие, на этот раз как простому воину. Мне лично бледнолицые не причинили никакого вреда, однако некоторые наши люди пострадали от них, и я пошел сражаться со всем племенем. И виноваты в этом были белые, а не индейцы.

Вскоре офицеры американских войск позвали наших вождей в Ущелье Апачей (форт Боуи) для переговоров. Индейцев пригласили в палатку, чтобы предложить угощение. Однако, когда они собрались там все вместе, на них напали солдаты. Наш вождь Мангас-Колорадо с несколькими другими воинами сумел вырваться оттуда, прорезав палатку, но большинство индейцев были убиты или захвачены в плен. У Бедонкое в тот раз были убиты Санза, Кладетае, Нийонахе и Гопи. После этого предательства индейцы ушли в горы и никогда больше не появлялись в этом форте. Не думаю, чтобы местный агент участвовал в этом заговоре - ведь он всегда так хорошо относился к нам. Наверное, все это было задумано солдатами.

С самого начала солдаты, присланные в наш западный край, и офицеры, руководящие ими, не задумываясь, причиняли зло индейцам. Они никогда не рассказывали правительству о притеснениях, которым подвергались индейцы, но исправно сообщали о всех их поступках. Много из того, что совершали плохие бледнолицые, приписывалось индейцам.

Индейцы всегда старались жить в мире с белыми солдатами и поселенцами. Однажды я заключил договор с гарнизоном, стоявшим в Ущелье Апачей. Мы обменялись рукопожатиями и решили считать друг друга братьями. Кочис и Мангас-Колорадо поступили так же. Не знаю, как звали главного офицера, но это был первый полк, который появился в Ущелье Апачей. Договор был заключен примерно за год до нападения на наших вождей, о котором я уже упоминал. Через несколько дней после случившегося в Ущелье Апачей, мы собрались в горах, чтобы выступить против американских солдат. Здесь были воины двух племен - Бедонкое и Чоконен, предводительствуемые Кочисом. После нескольких стычек с войсками мы напали на караван, который вез в форт провиант. Несколько человек мы убили, а остальных взяли в плен. Этих пленников наш вождь предложил обменять на индейцев, которых солдаты захватили в палатке. Однако офицеры отказались от такой сделки, и тогда мы убили всех пленных, распустили свой отряд и укрылись в горах. Из всех тех, кто участвовал в этих событиях, сейчас в живых остался один я.

Через несколько дней на наши поиски были посланы войска, но им не удалось никого найти, поскольку мы уже успели разойтись по разным направлениям. Пока они нас искали, наши воины, которых солдаты принимали за мирных индейцев, давали им советы, как найти мятежный лагерь, и мы, следя за их тщетными усилиями из своего укрытия, покатывались со смеху.

После этих событий индейцы договорились не искать больше дружбы с бледнолицыми. Мы не вели против них настоящей войны, скорее это была длинная череда постоянных стычек, когда мы попеременно нападали друг на друга. Если солдаты убивали наших воинов, мы отвечали им тем же. Думаю, что потери с обеих сторон были почти равными. Убитых было не так уж много, но вероломство американских солдат приводило индейцев в ярость, заставляя вспоминать обо всех нанесенных им обидах. Никогда больше не доверяли мы войскам Соединенных Штатов.

13. ВЕЛИЧАЙШАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Вероятно, самая большая несправедливость в отношении индейцев была совершена войсками войсками Соединенных Штатов в 1863 году. Вождь нашего племени Мангас-Колорадо отправился заключить мирный договор с

бледнолицыми из селения Апаче-Техо в Новой Мексике. До нас дошла весть, что эти люди более расположены к нам и заслуживают большего доверия чем те, что живут в Аризоне. Они соблюдают договоры и не причиняют индейцам зла.

Поэтому Мангас-Колорадо и еще три воина пришли в Апаче-Техо, чтобы собраться на совет с его жителями и солдатами. Там ему сказали, что если наше племя придет и останется жить рядом с этим селением, все индейцы получают от правительства одеяла, муку, провизию, мясо и разные другие товары. Наш вождь пообещал вновь появиться в Апаче-Техо не позднее, чем через две недели. Вернувшись домой, он собрал все племя на совет. Я не поверил, что люди из Апаче-Техо выполнят свое обещание, и поэтому возражал против этого плана. Однако было решено, что Мангас-Колорадо с частью наших людей отправится в Апаче-Техо, чтобы получить провизию и товары. Если все окажется так, как было обещано, и бледнолицые будут строго соблюдать договор, оставшаяся часть племени последует за вождем и мы окончательно поселимся в Апаче-Техо. Меня оставили во главе той части племени, которая пока оставалась в Аризоне. Почти все оружие и боеприпасы мы отдали тем, кто уходил в Апаче-Техо, на тот случай, если их ожидает обман. Мангас-Колорадо и почти половина нашего племени отправились в Новую Мексику, довольные тем, что наконец нашлись бледнолицые, которые будут добры к ним и с которыми можно будет жить в мире и достатке.

Больше мы их никогда не видели. Позже до нас дошли слухи, что все они были предательски захвачены и убиты. Мы были в полной растерянности и не знали, как поступить. Опасаясь, что войска, захватившие наших соплеменников, скоро придут и за нами, мы укрылись в горах неподалеку от Ущелья Апачей.

В течение нескольких недель мы настороженно выжидали. Наконец все запасы у нас кончились, а восполнить их мы никак не могли. Кроме того, еще одна причина побуждала нас сдвинуться с места. Пытаясь скрыться в горах, мы по дороге наткнулись на четырех человек, пасущих стадо. Двое из них ехали в повозке впереди стада, а двое скакали позади верхом. Мы убили всех четверых, но скальпов снимать не стали - ведь это были не воины. Угнав скот обратно в горы, мы разбили лагерь и принялись забивать животных, чтобы заготовить мясо впрок.

Не успели мы закончить, как на нас внезапно наскочили американские солдаты, убив семерых наших людей: одного воина, троих женщин и столько же детей. Вооружены мы были плохо: у нас оставались только копья и луки - ведь все свое оружие мы отдали тем, кто ушел в Апаче-Техо. Когда началось сражение, у меня было копье, лук и несколько стрел, но вскоре я оказался безоружным. Меня едва не окружили солдаты, но конь помог мне вырваться из их кольца. Многие покидали своих лошадей и спасались бегством. Мой конь был выучен подходить на зов, и когда я достигал безопасного места, то подзывал его к себе. Во время боя мы рассыпались во всех направлениях и лишь через два дня собрались в условленном месте в пятидесяти милях от поля сражения.

Через десять дней американские войска вновь атаковали наш лагерь. Сражение длилось весь день, но уже к десяти часам утра мы лишились всех наших копий и стрел и продолжали бороться камнями и палицами. С таким оружием не приходилось рассчитывать на успех, поэтому ночью мы перенесли свой лагерь подальше в горы, где нас не могла настичь вражеская кавалерия. На следующий день вернулись разведчики, оставленные следить за

передвижением врага. Они сообщили, что войска ушли в сторону резервации Сан-Карлос.

Спустя несколько дней на нас налетел еще один американский отряд. Незадолго до этого к нам присоединились воины племени Чоконен, предводительствуемые Кочисом, который и принял на себя командование нашими силами. Мы были разбиты и решили разойтись поодиночке.

Через несколько дней племя вновь собралось неподалеку от старой стоянки, тщетно ожидая возвращения Мангаса-Колорадо с нашими людьми. От них не было никаких вестей, и вскоре мы окончательно удостоверились, что все они предательски убиты. Тогда был созван совет, на котором вождем племени избрали меня.

Долгое время нас никто не беспокоил. Однако через год после того, как я стал вождем, на нас снова напали американские солдаты. Они убили семерых детей, пятерых женщин и четверых воинов, забрали всю провизию, одеяла и лошадей и разрушили наши типи. У нас ничего не осталось. Надвигалась зима - одна из самых холодных на моей памяти. Когда солдаты ушли, я с тремя воинами отправился по их следу, который привел нас в Сан-Карлос.

14. КОЧЕВКА

На обратном пути мы застрелили двоих всадников - мексиканца и бледнолицего - и забрали их лошадей. Вернувшись, мы решили сняться с места, чтобы отправиться на поиски пропитания. Дичи в тех местах было мало, а за все то время, что я был вождем, мы еще ни разу не просили помощи у правительства.

До нас дошла весть, что вождь племени Чихенне Викторио держит совет с бледнолицыми неподалеку от Горячих Ключей в Новой Мексике и у него большие запасы провизии. Мы всегда дружили с этим племенем, и особенно хорошо относился к нашим людям сам Викторио. Взяв с собой двух захваченных лошадей, чтобы перевозить больных, мы отправились в Горячие Ключи. Там мы легко нашли Викторио и его людей, и они снабдили нас запасами на всю зиму. Мы оставались с ними около года и все это время жили в мире и покое. У нас не произошло ни единой стычки ни с мексиканцами, ни с бледнолицыми, ни с индейцами. Когда дела поправились и мы сумели сделать кое-какие запасы, было решено отправиться в обратный путь. Узнав о нашем намерении покинуть его племя, Викторио предложил устроить празднество с плясками.

Четыре дня мы пировали и веселились неподалеку от Горячих Ключей. На праздник собрались четыре сотни индейцев. Мы замечательно провели время. Никто и никогда не принимал нас так радушно, как Викторио и его люди. Мы сейчас гордимся дружбой с ними.

Вернувшись в Ущелье Апачей (форт Боуи), я заключил договор с генералом Говардом, который командовал там войсками. Этот договор оставался в силе все то время, пока генерал находился в наших местах. Он всегда держал свое слово и относился к нам, как к братьям. Никогда больше не было у нас такого хорошего белого друга, как генерал Говард. С ним мы могли бы всегда жить в мире. Если в армии США есть хоть один честный и порядочный человек, то это генерал Говард. Все индейцы уважают его и до сих пор часто вспоминают о тех счастливых временах, когда он командовал нашим

фортом. Покидая форт, он оставил в Ущелье Апачей агента, который по его распоряжению снабжал нас одеждой, провизией и разными товарами, выделяемыми для этой цели правительством. Когда индейцам выдавали мясо, я получал для своего племени двенадцать бычков и столько же доставалось Кочису. Продукты отпускались раз в месяц, но если запасы у нас кончались раньше, нам стоило только попросить, и мы получали все, что нужно. Сейчас, когда мы живем в резервации на положении военнопленных, нас снабжают продуктами гораздо хуже.

Недалеко от ущелья Апачей, в прериях, один бледнолицый держал склад и салун. Когда ушел генерал Говард, банда индейских разбойников убила этого человека и разграбила его склад. На следующий день несколько индейцев, напившись "тисвина", приготовленного из кукурузы, затеяли между собой драку, в которой было убито четверо. Ссоры и перепалки вспыхивали между индейцами и раньше, но после этого случая мы решили, что дальше оставаться вместе невозможно. Мы разделились, и каждый вождь увел свое племя. Одни отправились в Сан-Карлос, другие - в Старую Мексику, я же повел свое племя обратно к Горячим Ключам, чтобы вновь объединиться с людьми Виктории.

15. В НЕВОЛЕ И НА ВОЕННОЙ ТРОПЕ

Вскоре после нашего появления в Новой Мексике из Сан-Карлоса были присланы два военных отряда. Прибыв в Горячие Ключи, они сразу послали за нами с Викторией. Их гонцы вели себя вполне дружелюбно, но не сказали, зачем нас приглашают военные. Решив, что нас зовут на военный совет, мы поскакали в город. Там нас встретили солдаты и, разоружив, повели в штаб, где мы предстали перед военным судом. Нам задали лишь несколько вопросов, после чего Викторию отпустили, а меня приговорили к тюремному заключению. Солдаты отвели меня на гауптвахту и заковали в цепи. Когда же я спросил, почему так со мной поступают, они ответили, что я не должен был покидать Ущелье Апачей.

Мне кажется, я никогда не принадлежал солдатам Ущелья Апачей и потому вряд ли должен был спрашивать, куда мне идти. Наши племена не могли больше жить вместе, поэтому мы решили тихо разойтись и поселиться рядом с людьми Викторией, где никто не стал бы нас беспокоить.

Вместе со мной в тюрьму посадили еще семерых Апачей. Не знаю, зачем это надо было делать, - ведь они просто последовали за мной. Если мы поступили плохо, придя в Горячие Ключи (а я так совсем не считаю), то виноват в этом был один лишь я. Индейцы спрашивали стерегущих их солдат, за что на них надели цепи, но те ничего не отвечали.

Меня продержали в заключении четыре месяца, после чего перевели в Сан-Карлос. Потом состоялся еще один суд, на котором я не присутствовал. Не знаю, когда это произошло и был ли в действительности этот суд, но меня выпустили на свободу.

После этого у нас не возникало никаких осложнений с войсками, но никогда больше я уже не чувствовал себя свободным в этом форте. Нам разрешили поселиться неподалеку от Сан-Карлоса в месте, которое сейчас называется Джеронимо. Агентом там был человек, которого индейцы называли Ник Голи. В течение двух лет все шло хорошо, но мы были недовольны.

Летом 1883 года прошел слух, что офицеры снова собираются посадить в тюрьму наших вождей. Это воскресило в нашей памяти все нанесенные нам ранее обиды: убийство наших людей в Ущелье Апачей, судьбу Мангас-Колорадо и мое собственное несправедливое заточение, которое могло привести меня к гибели. Как раз в это время мы узнали, что офицеры зовут нас на совет в форт Томас, расположенный вверх по реке. Ничего хорошего мы от этой встречи не ждали - вряд ли в ней была какая-то необходимость. Поэтому мы собрались на совет сами и, опасаясь нового предательства, решили покинуть резервацию. Гораздо достойнее погибнуть на тропе войны, чем быть убитым в неволе.

Нас было около 250 человек, в основном, Бедонкое и Недни со своим вождем Хоа. К западу от Ущелья Апачей мы столкнулись с американскими войсками. В завязавшейся перестрелке было убито трое вражеских солдат, мы же не потеряли ни одного.

Мы продолжали двигаться в сторону Старой Мексики, но на второй день нас снова настигли американские солдаты, и мы сражались с ними до самой ночи. На наше счастье, местность была пересеченная, и солдатам пришлось спешиться. Не знаю, скольких врагов нам удалось сразить, но сами мы потеряли лишь одного воина и троих детей. Ружей и боеприпасов у нас было достаточно: какое-то количество мы сумели собрать, живя в резервации, а остальное нам дали Апачи Белых гор, когда мы отправлялись в путь.

Войска больше не преследовали нас, и мы благополучно добрались до Каса-Гранде, разбив лагерь в горах Сьерра-де-Сагуарипа. В Старой Мексике мы провели около года, а потом вернулись в Сан-Карлос, пригнав за собой целое стадо коров и лошадей.

Однако вскоре после нашего возвращения командующий войсками генерал Крук забрал у нас весь скот. Я сказал ему, что этот скот принадлежит нам, поскольку мы захватили его у мексиканцев, когда воевали с ними. Мы не собирались убивать этих животных, а наоборот, хотели разводить их в наших местах. Но генерал не стал слушать меня и забрал все стадо. Когда же я двинулся к форту Апаче, генерал приказал своим людям арестовать меня, а в случае сопротивления - пристрелить.

Узнав об этом от индейцев, я решил уйти из Старой Мексики. За мной последовали четыреста человек. Это были люди из племени Бедонкое, Чоконен и Недни. К этому времени Хоа уже умер и со мной остался лишь Нейче. Придя в Сонору, мы стали лагерем в горах. Следовавшие за нами войска не трогали нас до тех пор, пока мы не остановились в горах к западу от Каса-Гранде. Там на нас напал отряд индейских разведчиков, служащих в правительственных войсках. Один мальчик был убит, а все женщины и дети захвачены в плен.

После этого сражения мы двинулись на юг от Каса-Гранде, но через несколько дней на наш лагерь налетели мексиканцы. Схватка продолжалась целый день, нам удалось застрелить нескольких солдат, не потеряв ни одного воина.

Той же ночью мы отправились на восток, чтобы разбить лагерь в предгорьях Сьерра-Мадре. Однако мексиканские войска, следовавшие за нами, через несколько дней снова атаковали нас. На этот раз они привели значительные силы, и мы решили уклониться от боя. Какой смысл сражаться, если нет надежды победить.

Ночью мы собрались на военный совет. Разведчики сообщили, что видели в горах несколько американских и мексиканских отрядов. По нашим

подсчетом, около двух тысяч солдат прочесывали горы, чтобы захватить нас в плен.

Свои войска привел в Мексику и генерал Крук. Они остановились в горах Сьерра-де-Антуаньес. Разведчики сообщили, что генерал хочет видеть меня. Я отправился в его лагерь. Там генерал спросил меня:

- Почему ты оставил резервацию?

И вот, что я ответил ему:

- Ты сказал мне, что я могу жить в резервации совсем так, как бледнолицые. В один год я вырастил урожай кукурузы, собрал его и сделал запасы. На следующий год я посеял овес, а когда надо было убирать урожай, ты велел своим солдатам посадить меня в тюрьму и, может быть, даже убить, если я буду сопротивляться. Если бы меня оставили в покое, моя жизнь была бы совсем другой, но вместо этого ты вместе с мексиканцами охотишься на меня, как на зверя.

На это генерал ответил мне:

- Никогда не отдавал я такого приказа. Солдаты форта Апаче, распространявшие такие слухи, отлично знали, что все это неправда.

И тогда я согласился возвратиться в Сан-Карлос.

В тот раз я поверил ему с трудом. Теперь я знаю, что генерал сказал неправду, и твердо убежден, что он и в самом деле отдал приказ отправить меня в заключение или убить при попытке сопротивления.

16. ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ

Собрав все племя, я последовал было за генералом Круком в Соединенные Штаты, но потом, опасаясь очередного предательства, решил остаться в Мексике. Нас никто не охранял: американские войска шли впереди, а индейцы следовали за ними. Когда же у нас закралось подозрение, мы просто повернули назад. Не знаю, была ли за нами погоня, но часть индейцев вернулась к американцам еще до того, как наш побег был обнаружен.

Мне пришлось изрядно пострадать от несправедливых поступков генерала Крука. Он принес моему народу много горя. Уверен, что скорая смерть была послана генералу Господом Богом в наказание за все то зло, которое он совершил.

Вскоре командующим всеми западными фортами был назначен генерал Майлс, после чего солдаты стали преследовать нас постоянно. Ими руководил капитан Лоутон, у которого были замечательные разведчики. Мексиканских солдат тоже стало больше, и появлялись они теперь чаще. Стычки между нами происходили чуть ли не каждый день, пока мы наконец не решили разбиться на небольшие отряды. С шестью воинами и четырьмя женщинами я двинулся в сторону Горячих Ключей, намереваясь остановиться в окрестных горах. Мы прошли мимо нескольких ранчо, избежав при этом стычек с ковбоями. Еды у нас было вдоволь - каждый раз, когда нам хотелось есть, мы забивали коров, - но воды часто не хватало. Один раз у нас двое суток не было воды, и лошади чуть не умерли от жажды. Некоторое время мы бродили в горах Новой Мексики, а потом, понадеявшись на то, что войска ушли, решили вернуться на прежнее место. Проходя через Старую Мексику, мы убивали каждого встреченного нами мексиканца - ведь это они позвали в Мексику американские войска, чтобы расправиться с нами.

К югу от Каса-Гранде, неподалеку от места, имеющего индейское название Госода, проходила дорога в город, по которой мексиканцы перевозили множество товаров. Укрывшись в ущелье, мы стали нападать на все проходящие караваны: погонщиков мы убивали, забирали нужные вещи, а все остальное уничтожали. Мы не слишком дорожили своей жизнью, сознавая, что у нас нет выбора. В резервации нас ждет неволя и гибель, в Мексике - постоянное преследование солдат. Поэтому мы никого не щадили и сами не ждали пощады.

Через некоторое время мы оставили Госоду и вновь соединились с нашими людьми в горах Сьерра-де-Антуаньес.

Вопреки нашим ожиданиям, американские солдаты все еще находились в Мексике и вскоре их преследования возобновились, сопровождаясь почти каждодневными стычками. Несколько раз они внезапно обрушивались на наш лагерь. Однажды, напав на нас рано утром, они захватили всех лошадей и запас сушеного мяса. В этой стычке мы потеряли троих воинов. В тот же день после полудня мы атаковали их с тыла, когда они проходили по прериям - один вражеский солдат был убит, мы же совсем не пострадали. Нам удалось вернуть всех лошадей, за исключением тех трех, которые принадлежали мне. Это были наши лучшие скаковые лошади.

Вскоре после этих событий мы заключили с мексиканцами договор. Они уверяли, что во всех войнах виноваты американцы, и обещали больше не воевать с нами, если мы вернемся в Соединенные Штаты. Приняв их условия, мы продолжили свой поход, надеясь заключить такой же договор и с американцами, а потом вернуться в Аризону. Других намерений у нас не было.

Через некоторое время от капитана Лоутона прибыли гонцы с известием, что он желает заключить с нами договор. Но я знал, что командовал американскими войсками генерал Майлс, и решил, что буду иметь дело только с ним.

Мы продолжали идти на север, и туда же двигались американские войска. Они следовали за нами на довольно близком расстоянии, не пытаясь, однако, нападать.

В форт Боуи я послал своего брата Порико (Белая Лошадь) вместе с мистером Джорджем Рэттоном, чтобы они сказали генералу Майлсу, что мы хотим возвратиться в Аризону. Но еще до того, как они вернулись, я встретил двоих индейцев - Кайита из племени Апачей и Мартина из племени Недни, которые служили разведчиками в отряде капитана Лоутона. Они сказали, что их послал за мной генерал Майлс, и я отправился в американский лагерь, чтобы встретиться с ним.

Там я сразу же направился к генералу и рассказал ему, как несправедливо со мной поступили. Я так же заявил ему, что все мы хотели бы вернуться в Соединенные Штаты, чтобы увидеть свои семьи, с которыми нас разлучили.

В ответ генерал Майлс произнес такие слова:

- Президент Соединенных Штатов послал меня поговорить с тобой. Он слышал о твоих стычках с бледнолицыми и считает, что если ты заключишь с нами договор, все твои неприятности кончатся. Джеронимо, соглашайся на договор, и все устроится лучшим образом.

Потом генерал Майлс сказал, что отныне мы должны стать братьями. Воздев руки к небу, мы провозгласили, что договор наш нерушим. Мы также поклялись не причинять друг другу зла и не замышлять ничего плохого. После

этого генерал долго говорил со мной, обещая всяческие блага, если я подпишу договор. Я не слишком доверял генералу Майлсу, но все же решил заключить договор, поскольку таково было желание президента Соединенных Штатов. Когда я спросил генерала об условиях договора, он сказал:

- Ты будешь взят под защиту правительства. Я построю тебе дом, и ты получишь много земли. Я дам тебе лошадей, коров, мулов и все необходимое в хозяйстве. У тебя будет много работников, и тебе не придется трудиться самому. Осенью я пришлю тебе одеяла и одежду, чтобы ты не страдал от холода зимой. Я приведу тебя туда, где много листьев, воды и травы. Ты будешь жить там со своей семьей среди людей твоего племени. Если ты согласишься подписать договор, то не пройдет и пяти дней, как ты вновь увидишь свою семью.

На это я возразил генералу Майлсу:

- Так говорят все военачальники. Это знакомая песня, и я не верю тебе.

- На этот раз я говорю правду, - сказал генерал Майлс.

Тогда я сказал:

- Генерал Майлс, я не знаю законов бледнолицых и обычаев тех мест, куда ты собираешься послать меня, и могу ненароком нарушить их.

- Пока я жив, никто тебя не тронет, - пообещал мне генерал Майлс.

И тогда я согласился подписать этот договор. (С тех пор, как я стал пленником, меня уже дважды сажали в тюрьму за то, что я пил виски.)

Мы вышли и стали посередине между солдатами генерала и моими воинами. На расстеленное одеяло мы положили большой камень. Наш договор скреплялся этим камнем и должен был сохранять свою силу, пока тот камень не рассыплется в пыль. Мы заключили договор и связали друг друга клятвой.

Этот договор не был нарушен мной ни разу, но генерал Майлс так и не выполнил своих обещаний.

Когда договор был заключен, генерал Майлс сказал мне:

- Брат мой, твои мысли по-прежнему направлены к войне, и ты думаешь, как убить меня. Я хочу, чтобы ты оставил эти помыслы и душа твоя обратилась бы к миру.

Тогда в знак мира я сложил свое оружие, произнеся при этом:

- Я покидаю тропу войны и возвращаюсь к мирной жизни.

Генерал Майлс провел рукой по земле и сказал:

- Твои прошлые деяния будут стерты в нашей памяти, как эти следы на земле, и отныне для тебя начинается новая жизнь.

17. ПЛЕННИК

После того как я сдался правительству, меня по железной дороге доставили в Сан-Антонио, штат Техас, где судили по законам белых.

Через сорок дней меня отправили в форт Пикенс во Флориду и заставили распиливать огромные бревна. Со мной было еще несколько Апачей, и всем нам приходилось работать каждый день. Два года нас продержали на тяжелых работах, до мая 1887 года мы так и не увидели свои семьи. Это было прямым нарушением договора, заключенного в Ущелье Скелетов.

Потом нас вместе с семьями отправили в Вермонт, штат Алабама, где мы провели пять лет, работая на правительство. У нас не было никакого имущества.

Тщетно ждал я, что генерал Майлс исполнит свое обещание и даст мне землю, дом и скот.

За это время один из моих воинов по имени Фан убил себя и свою жену. Другой выстрелил в свою жену, а потом застрелился сам. Однако женщина оправилась от раны и жива по сей день.

Климат в тех местах был нездоровый и мы постоянно болели. Люди так часто умирали, что я позволил одной из моих жен уйти в Новую Мексику и поселиться в Мескалери. По нашим законам, это было равносильно тому, что бледнолицые называют разводом, поэтому в Мескалери она снова вышла замуж. С собой она забрала двоих наших детей, Ленну и Робби, которые и поныне живут в Мескалери. Сейчас Ленна уже вышла замуж. Оставшаяся со мной жена теперь уже умерла, и со мной живет только наша дочь Ева. После ухода матери Ленны у меня никогда не было больше одной жены одновременно. Когда умерла мать Евы, я женился на другой женщине, но брак наш не удался и мы разошлись. Она вернулась к родителям - так у Апачей происходит развод.

В то время, как и сейчас, начальником над индейцами был мистер Джордж Рэттон. Он дурно обращался с нами, поэтому в резервации постоянно случались неприятности. Однажды пьяный индеец ударил мистера Рэттона ножом. Начальник гарнизона встал на сторону мистера Рэттона, и индейца заточили в тюрьму.

Когда мы прибыли в форт Стил, его начальник, капитан Скотт, поселил нас в домах, построенных правительством. Нам также дали коров, свиней, индеек и кур. Однако со свиньями у нас ничего не вышло, поскольку индейцы не умеют за ними ухаживать. Даже сейчас очень немногие индейцы держат свиней. С индейцами и курами дело пошло лучше, но все же не так хорошо, как у бледнолицых. Зато скот мы разводили очень успешно - нам нравилось это занятие. У нас также было несколько лошадей, мы неплохо с ними управлялись.

Однако при продаже скота и зерна у нас возникало немало трудностей. Индейцы справедливо полагали, что деньги за проданный скот должны целиком принадлежать им. Но вместо этого им выплачивали только часть причитавшихся денег, а остальное шло в так называемый Фонд Апачей. У нас сменилось пять начальников форта, и все они управляли нами одинаково - никогда не советовались с Апачами и даже не объясняли им, что происходит. Возможно, что вкладывать эти деньги в Фонд Апачей начальникам фортов приказывало правительство. Когда я пригрозил лейтенанту Парингтону сообщить в правительство, что он забирает часть моих денег и отдает их в Фонд Апачей, он не испугался и сказал, что ему это безразлично.

Несколько лет назад Апачам перестали выдавать одежду. Возможно, это тоже был приказ правительства, но индейцам так ничего и не объяснили.

Если существует этот самый Фонд Апачей, его следует передать индейцам или, по крайней мере, открыть для них там счет, потому что он создавался на заработанные ими деньги.

Когда генерал Майлс последний раз приезжал в форт Стил, я попросил его освободить меня от работы из-за преклонного возраста. Я напомнил ему о его обещаниях, данных в тот день, когда был заключен договор. На это он сказал, что отныне я могу больше не работать, если только не захочу этого сам. С тех пор меня никто не заставлял работать. Но и сейчас, когда пришла моя старость, я по-прежнему продолжаю трудиться, чтобы быть полезным своему народу.

ЧАСТЬ IV. О СТАРОМ И НОВОМ

18. НЕПИСАНЫЕ ЗАКОНЫ АПАЧЕЙ

Если индейцу причинил зло кто-нибудь из его племени и он не хочет сам улаживать это дело, он может пожаловаться вождю. Если же он не может разрешить спор в личном поединке и слишком горд, чтобы жаловаться, за него это может сделать любой человек, после чего назначается расследование или суд. И обвиняемый, и обвинитель имеют право привести свидетелей, которые беспрепятственно рассказывают все, что они знают об этом деле, причем речь их никогда не прерывается вопросами. Свидетелей не приводят к присяге, потому что существует уверенность, что они не будут давать ложных показаний в деле, касающемся людей их племени.

На суде председательствует главный вождь племени, однако если речь идет о серьезном проступке, он приглашает еще двух-трех вождей. Они решают, виновен обвиняемый или нет. Если его признают невиновным, дело считается закрытым и жалобщик теряет право на личную месть, поскольку в этом случае он оспаривает решение суда. Если же обидчик признается виновным, потерпевшая сторона устанавливает наказание, которое обычно утверждается вождем и его помощником.

УСЫНОВЛЕНИЕ ДЕТЕЙ

Если дети остаются сиротами вследствие войны или других обстоятельств, теряют обоих родителей, вождь племени может усыновить их сам или отдать в какую-нибудь семью. Индейцы, изгнанные из своего племени, могут взять детей с собой, судьбу же тех, кого родители решили оставить, решает сам вождь. В любом случае позор родителей не ложится на детей.

СОЛЯНОЕ ОЗЕРО

Соль мы добывали в горах Хила из мелкого озерца с прозрачной водой и небольшим островком посередине. Вода в нем очень соленая, а все дно покрыто коричневой коркой. Когда корку раскалывали, на ней были видны куски соли. Мы промывали эту соль в воде озера. Если же ее опускали в другую воду, она растворялась.

На этом озере нам не разрешалось охотиться и нападать на врагов. Любое существо могло свободно приходить туда без какой-либо угрозы для своей жизни.

ВОСПИТАНИЕ ВОИНА

Настоящим воином юноша становился лишь после того, как он четыре раза выходил с мужчинами своего племени на тропу войны.

Во время первого похода он должен довольствоваться лишь самой плохой пищей, не выказывая при этом своей досады. Ни в одном из четырех походов он не имеет права сам выбирать себе еду, как это делают другие воины, а должен есть только то, что ему позволяют.

Все это время он прислуживает воинам, смотрит за лошадьми, готовит еду и исполняет другие обязанности, не дожидаясь приказа. Он и без подсказок должен знать, что ему надо делать. Ему не разрешается разговаривать с другими воинами - он может лишь отвечать на их вопросы.

Во время этих походов он должен выучить священные слова, относящиеся к военным действиям, ибо когда племя вступает на тропу войны, обычные слова теряют свою силу. Война для нас - это торжественный религиозный обряд.

Если во всех четырех походах юноша усердно трудился, не разговаривал без разрешения, вел себя благоразумно и сдержанно, проявил храбрость в сражениях, безропотно сносил все трудности и не выказывал и тени трусости и слабости, совет принимает его в ряды воинов. Однако если хотя бы один воин возражает против этого по какой-либо причине, юношу подвергают новым испытаниям, выдержав которые, он снова предстает перед советом. Когда он безоговорочно докажет, что может переносить любые невзгоды и ему неведом страх, его принимают в совет воинов на самую низкую ступень. После этого молодой воин не подвергается больше никаким испытаниям: чтобы занять более высокое положение, он должен проявить себя на поле боя. Если он с честью несет свое звание, ему могут предложить занять еще более высокое положение или он может сам претендовать на него. Однако ни один воин не пытается занять следующую ступень, пока вожди племени не подтвердят, что его поведение на предыдущей ступени было безупречным.

Следующий и последний шаг на пути воина - это избрание вождем, которое происходит на совете в присутствии всех его членов.

Пожилые люди не могут возглавлять сражения, но к их советам всегда прислушиваются. В старости люди теряют силы и не могут вести воинов на битву.

ПЛЯСКИ

Все пляски носят характер религиозных обрядов, и их возглавляют вожди с шаманом. Какими бы ни были пляски - военными или мирными, - в них всегда есть что-то священное.

ПЛЯСКА БЛАГОДАРЕНИЯ

Каждое лето мы собирали плоды юкки и, размолот их, делали из них лепешки. Потом все племя собиралось на празднество, чтобы воздать хвалу Усену. Все произносили благодарственные молитвы. Когда начиналась пляска, вожди с лепешками в руках входили в общий круг, присоединяя свои славословия к общему хору.

ВОЕННАЯ ПЛЯСКА

Когда совет выносил решение о начале войны, воинам полагалось исполнять военную пляску. Во время пляски звучало пение, сопровождаемое звуками "эсададена". подчас пляска становилась столь яростной, что воинственные крики совсем заглушали музыку. В этой пляске принимали участие только воины.

ПЛЯСКА СО СКАЛЬПАМИ

Когда воины возвращаются из похода, они исполняют несколько иную военную пляску. Те из них, кто принес с полей сражения скальпы, показывают их людям племени, а когда начинается пляска, эти скальпы, надетые на шест или копьё, обносят вокруг костров. Пляска со скальпами столь же торжественна, как и военная пляска, и также сопровождается воинственными криками и выстрелами, однако она более свободна. После окончания пляски скальпы выбрасываются. Апачи никогда не сохраняют их, считая нечистыми.

УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ ПЛЯСКА

В начале сентября 1905 года я объявил людям своего племени, что настал день, когда моя дочь Ева расстанется с детством и вступает в пору девичества. Она впервые примет участие в пляске племени, после чего к ней уже могут свататься молодые воины. В первую ночь после сентябрьского полнолуния все Апачи, а с ними и Команчи и Кайова, были приглашены на большую пляску на траве, на южном берегу Волшебного ручья, у деревни, где жил Нейче, бывший вождь племени Чоконен. Празднество должно было продолжаться два дня и две ночи. Мы усердно готовились, прилагая все силы, чтобы гости наши хорошо повеселились, а обряды были тщательно соблюдены. На поляне была скошена трава, чтобы подготовить место для плясок. Пением руководил вождь Нейче, а я с помощью шаманов вел все пляски.

Отделившись от женщин, Ева прошла в танце вокруг костра. Потом к ней присоединилась еще одна девушка и они обошли костер дважды. Следующие три круга девушки сделали уже втроем, а с появлением четвертой количество кругов тоже увеличилось до четырех. Так продолжалось около часа, после чего к костру вышли шаманы, обнаженные до пояса и раскрашенные в разные цвета. Они исполнили священный танец. Их сменили забавные танцоры, которые изрядно повеселили гостей.

Потом все люди племени долго танцевали вокруг костра, взявшись за руки. Гостей тоже пригласили участвовать в общем танце. Когда он закончился, многие старики ушли отдыхать, а молодежь затеяла танец "влюбленных".

Воины встали в середине круга, а молодые женщины подходили к ним парами, приглашая кого-нибудь из них танцевать. Танцующие двигались от центра круга к его краю и обратно. Каждый воин танцевал с двумя женщинами, стоя к ним лицом. Когда женщины шли вперед к центру круга, он отступал назад, когда же они отходили к краю круга, следовал за ними. Так продолжалось два-три часа, а потом музыка менялась. Сразу после этого воины

вновь собирались в центре круга, и на этот раз каждая женщина выбирала себе из них пару. Танец возобновлялся в прежнем виде, но теперь все танцевали по двое. Во время этого танца, который продолжался до утра, воин (если он танцевал с девушкой) мог сделать ей предложение, и если она соглашалась, он вскоре приходил к ее отцу, чтобы договориться о браке.

Когда танец заканчивался, каждый воин делал подарок танцевавшей с ним женщине. Если она оставалась довольна подарком, он прощался с ней, если же нет, они обращались к вождю или шаману, чтобы те решили, какой подарок следует сделать.

Подарок для замужней женщины должен был стоить два-три доллара. Девушкам же полагалось делать подарки не дешевле пяти долларов. Подчас девушки получали очень дорогие подарки.

Во время "танца влюбленных" шаманы находились среди танцующих, чтобы отпугивать злых духов.

Мне, наверное, уж больше не придется собирать людей на праздник, но в прошлом танцы при луне доставляли нам много радости, и я надеюсь, что наш народ сохранит этот обычай.

19. НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ

Когда меня пригласили в Сент-Луис на Всемирную Выставку, я поначалу не хотел туда идти. Однако, узнав, что этого хочет президент Соединенных Штатов, я согласился. Меня сопровождали люди из Индейского департамента, у которых имелось разрешение президента. В Сент-Луисе я провел шесть месяцев. Там я продавал свои фотографии по двадцать пять центов за штуку, оставляя десять центов себе. На некоторых фотографиях я писал свое имя, и это стоило от десяти до двадцати пяти центов, которые я также мог забирать себе. Нередко я зарабатывал до двух долларов в день, так что домой я вернулся богатым - никогда раньше у меня не было таких денег.

В Сент-Луисе меня часто приглашали в гости, однако мои спутники никогда на это не соглашались.

Каждое воскресенье директор выставки посылал за мной, чтобы я принял участие в представлении из жизни Дикого Запада. Я состязался в умении набрасывать лассо. Там было множество индейцев из разных племен и всякого другого народа.

Придя на выставку, люди поначалу просто прогуливались туда-сюда по дорожкам, а устав от этого, останавливались посмотреть представления, где было много забавного. Правительство приставило ко мне караульных, и без них мне не разрешалось никуда ходить.

В одном из представлений люди весьма странного вида в красных шапках и с какими-то особенными саблями все время рвались в бой. Наконец их хозяин разрешил им сразиться друг с другом. Размахивая саблями, они пытались ударить противника по голове, и я ожидал, что оба будут ранены и, может быть, даже убиты, однако бойцы остались невредимы. С такими нелегко сражаться врукопашную.

В другом представлении можно было видеть необыкновенного негра. Его хозяин крепко связывал ему руки, а потом привязывал к стулу. Он был опутан так надежно, что, казалось, ему никогда не освободиться. Однако хозяин дал ему именно такое приказание.

Покрутившись немного на стуле, негр встал на ноги. Веревки по-прежнему были завязаны, однако сам он был свободен. Непонятно, как ему это удалось. Наверное, он обладал какой-то чудодейственной силой - ведь ни один человек не смог бы освободиться от таких пут своими собственными силами.

В другом месте был установлен помост, на котором стоял человек и что-то говорил зрителям. Потом на краю помоста поставили корзину, покрытую красной материей, и в нее забралась какая-то женщина. Человек, говоривший с публикой, взял длинную саблю и несколько раз проткнул корзину сбоку и сверху через материю. Я слышал, как сабля пронзает тело женщины, и сам хозяин сказал, что она мертва. Но когда с корзины сняли материю, женщина вышла из нее целая и невредимая, и улыбаясь сошла с помоста. Интересно, как ей удалось так быстро оправиться и почему она не умерла от ран?

Медведи никогда не казались мне особо сообразительными, вероятно, потому, что мне раньше не доводилось видеть их белых собратьев. В одном из представлений выступал белый медведь, умный, как человек. Он делал все, что ему приказывали: носил бревно на плече, как это делают люди, а потом опускал его на землю. Медведь проделывал множество всяких штук и, казалось, понимал все, что ему говорит его хозяин. Наверное, ни одного гризли не удалось бы научить ничему подобному.

Однажды мои сторожа привели меня в маленький домик с четырьмя окошками. Когда мы уселись, домик сдвинулся с места и поехал по земле. Сторожа стали показывать мне всякие любопытные вещицы, которые были у них в карманах, а потом попросили посмотреть в окно. Выглянув наружу, я со страхом увидел, что наш домик висит высоко в воздухе, а люди внизу кажутся не больше муравьев. Посмеявшись над моим испугом, мои спутники дали мне стеклянную трубку, через которую я мог видеть горы, реки и озера (раньше у меня часто бывали такие трубки - я забирал их у убитых офицеров). Так высоко в воздух мне еще не приходилось забираться, и я решил посмотреть на небо. Однако звезд не было видно, а на солнце было больно смотреть. В конце концов я отложил эту трубку. Надо мной посмеивались, и я тоже стал смеяться вместе со всеми. Потом мне велели выходить и, посмотрев в окно, я увидел, что мы вновь оказались на земле. Уже снизу я наблюдал, как множество таких домиков снует вверх и вниз, но никак не мог понять, каким образом они передвигаются.

В другой раз, когда мы были на представлении, вокруг стало темнеть. Спустилась ночь - я почувствовал, что воздух стал влажным. Вскоре раздался гром и засверкали самые настоящие молнии, они вспыхивали прямо над нами. Я вскочил и хотел было бежать, да только не знал, где там выход. Мои спутники остановили меня, и мне пришлось остаться. На помост вышли какие-то странные маленькие люди. Взглянув наверх, я увидел, что тучи рассеялись и на небе горят звезды. Маленькие люди на помосте вели себя как-то не по-настоящему и вызывали во мне только смех. А все, кто сидел вокруг нас, почему-то смеялись надо мной.

В другом месте хозяин повел нас в маленькую комнату, похожую на клетку. Когда мы вошли, все вокруг нас пришло в движение. Потом стало темнеть, и ветер погнал черные тучи. Однако вскоре небо посветлело и по нему поплыли белые облака. Потом они стали сгущаться, прогремел гром, засверкали молнии и на землю обрушился дождь с градом. Через некоторое время раскаты грома стихли и вдали появилась радуга. После этого наступила ночь, показалась луна и загорелось множество звезд. Когда взошло солнце, мы покинули это

место. Все там было очень красиво, но столь странно и неестественно, что я почувствовал облегчение, когда снова очутился на улице.

Еще мы ходили туда, где изготавливают стеклянную посуду. Я всегда думал, что эти вещи делают руками, но оказалось, что это не так. Мастер держал в руках какое-то небольшое приспособление, и всякий раз, когда он дул через него на пламя, стекло принимало нужную ему форму. Мне кажется, что будь у меня такое приспособление, я тоже смог бы делать все, что угодно. Наверное здесь не обходится без колдовства. Такие вещицы, вероятно, очень трудно достать, поэтому люди стремятся обзавестись ими. Те, кто приходил на это представление, так хотели купить эти поделки, что совсем не давали мастеру передохнуть - весь день он трудился, не покладая рук. Я сам купил там и привез домой множество любопытных вещей.

На одной из улиц люди садились в какие-то неуклюжие каноэ и съезжали на них в воду. Им, по-видимому, нравилось это занятие, но мне оно показалось слишком опасным. Если такое каноэ перевернется, сидящие в нем люди наверняка получат увечья.

На выставке можно было также увидеть низкорослых темнокожих людей, которых американские солдаты захватили в плен на каких-то далеких островах.

На них почти не было одежды, и мне кажется, их вообще не стоило пускать на выставку. Однако сами они чувствовали себя вполне уверенно. В руках у них были маленькие медные тарелки, на которых они пытались что-то играть. Но на музыку это было совсем непохоже - просто какое-то гроыхание. Тем не менее, они танцевали под этот шум, считая, видимо, что очень хорошо выступают.

Не знаю, насколько это правда, но я слышал, что президент послал их на выставку, чтобы они обучились хорошим манерам и вернувшись домой, показали своим людям, как надо одеваться и вести себя.

Я рад, что побывал на выставке. Там я увидел много интересного и хорошо узнал белых людей. Они очень добры и миролюбивы. За все это время никто ни разу не тронул меня. Будь я среди мексиканцев, мне постоянно пришлось бы защищаться.

Жаль, что люди моего племени не смогли побывать там.

20. РЕЛИГИЯ

Наше религиозное чувство выражалось лишь в поклонении Усену и накладывало определенный отпечаток на внутриплеменные взаимоотношения. О загробной жизни у нас не было никакого определенного представления. Мы верили, что после нашей земной жизни наступит какая-то другая, но никто не говорил мне, что остается от человека после смерти. Много раз я видел, как умирают люди, как разлагаются их тела, но никогда мне не случалось видеть ту часть человека, которая называется душой. Я не представляю, что это такое, и никак не могу понять эту часть христианского учения.

Мы всегда считали, что те, кто добросовестно исполняет свой долг, будут вознаграждены в будущей жизни, но какой будет эта новая жизнь, мы не знали, и никто не мог рассказать нам о ней. Мы питали надежду, что в будущей жизни возобновятся наши семейные и племенные отношения, однако знать об этом не мог никто.

Когда я жил в резервации Сан-Карлос, один индеец рассказал мне, как он был убит на поле боя и попал в страну, где живут души.

Сначала он увидел шелковичное дерево, растущее из пещеры. Вход в пещеру охранял воин, но когда индеец смело подошел к нему, тот пропустил его.

Спустившись в пещеру, индеец пошел по проходу, который привел его на огромную скалу. Вокруг было довольно темно, но внизу, у подножия скалы, он заметил большую кучу песка. Спрыгнув со скалы, индеец упал на песчаный холм и скатился по его склону вниз. Там он очутился в узком проходе, который вел через каньон на запад. По мере продвижения вперед темнота редела, и наконец, стало светло как днем. Однако солнца не было видно. Проход, который стал было расширяться, вдруг опять сузился, и впереди индеец увидел двух громадных змей, свернувшихся кольцами. При виде его они подняли головы и страшно зашипели. Однако он не испугался и продолжал двигаться вперед. Тогда змеи затихли и уползли с дороги, дав ему пройти. Вскоре проход опять расширился, и там показались два медведя гризли, готовые к нападению. Но когда индеец подошел и заговорил с ними, они отступили, не тронув его. Индеец продолжил свой путь. Вскоре впереди показались две пумы, припавшие к земле. Бесстрашно подойдя к ним вплотную, он произнес несколько слов, и грозные звери тут же удалились. Проход снова стал узким, и вдруг впереди стены стали со страшным грохотом сдвигаться и раздвигаться. Однако индеец смело шел вперед, и, когда он достиг этого жуткого места, стены расступились и пропустили его. Потом он оказался в лесу, и, продолжая двигаться на запад, скоро вышел в зеленую долину, где жило множество индейцев и водилась в изобилии дичь. Он сказал, что видел там многих, кого знал в этой жизни. С неохотой покидал он это место, приходя в сознание.

Я сказал ему, что если это правда, мне едва ли захочется задержаться в этой жизни хоть на день: я найду способ умереть, чтобы обрести эти радости, даже если мне потребуется наложить на себя руки. Самому мне приходилось лежать без сознания на поле боя, когда передо мной возникали какие-то странные видения, но они были столь неотчетливы и неопределенны, что я никогда не мог вспомнить их, когда приходил в себя. Многие верили этому индейцу, и у меня нет оснований думать, что он говорил неправду. Но и полной уверенности у меня тоже нет.

Став пленником, я познакомился с религией белых людей, и во многих отношениях она показалась мне лучше, чем верования моих предков. Так или иначе, я никогда не упускал случая произнести молитву, и наверное, поэтому Всемогущий всегда хранил меня.

В конце концов я принял христианство в надежде, что хождение в церковь и общение с христианами принесет мне пользу и позволит исправить характер. Мне кажется, что церковь во многом помогла мне за то короткое время, пока я был ее прихожанином. Я несколько не стыжусь, что стал христианином, таким же как президент Соединенных Штатов, который без помощи Божьей вряд ли сумел бы справедливо управлять таким множеством людей. Всем своим людям, которые пока не стали христианами, я дал бы совет обратиться к этой религии, потому что она учит людей праведной жизни.

21. НАДЕЖДЫ НА БУДУЩЕЕ

Я благодарен президенту Соединенных Штатов за то, что он разрешил мне рассказать о своей жизни. Надеюсь, что он и его подчиненные прочтут это повествование, и сами рассудят, насколько справедливо обошлись с моим народом.

Апачи имеют все основания быть в обиде на правительство. Уже двадцать лет нас содержат как военнопленных по договору, заключенному между генералом Майлсом, представлявшим правительство Соединенных Штатов, и мной, выступавшим от имени Апачей. Этот договор не всегда соблюдался правительством, хотя сейчас положение изменилось в лучшую сторону. Согласно договору, мы должны были уйти из Аризоны, чтобы научиться жить как бледнолицые. Мне кажется, что сейчас мои люди вполне могут жить по законам Соединенных Штатов, и поэтому мы хотели бы вернуться на землю, принадлежащую нам по праву. Нас осталось не так уж много, и мы научились правильно обрабатывать землю, поэтому сейчас нам нужно ее гораздо меньше. Мы не просим отдать нам всю ту землю, которую Всемогущий дал нам вначале, а лишь столько, сколько мы сможем обработать. Все остальное пусть возделывают белые люди.

Сейчас нас держат на землях Команчей и Айова, которые нам совершенно не подходят, - они хороши лишь для тех, кто издавна здесь жил. Наши же люди здесь умирают, и их становится все меньше и меньше. И так будет продолжаться до тех пор, пока им не разрешат вернуться в родные места.

Такого климата и почвы, как в Аризоне, нет нигде. В этих местах, которые Всемогущий предназначил для Апачей, много плодородной земли, лугов, лесов и полезных минералов. Это земля моих отцов, мой родной дом, куда я хочу вернуться. Я хочу провести свои последние дни здесь, чтобы моя могила покоилась в родных горах. Если мои мечты сбудутся, я умру с миром в сердце, зная, что мой народ, обретя свой родной дом, будет расти и приумножаться и род наш не угаснет со временем.

Уверен, что если моим людям дадут поселиться в верховьях реки Хила, они будут жить мирно, следуя во всем воле президента. Они будут счастливы возделывать землю и жить в мире с белыми людьми, которых они научились уважать. Если бы мне довелось дожить до этого, я простил бы все нанесенные мне обиды и умер бы счастливым. Но сами мы ничего не можем сделать: мы должны ждать, пока власти решат нашу судьбу. И если мне все же суждено умереть в неволе, надеюсь, что придет тот день, когда те немногие из Апачей, которым удалось уцелеть, получат наконец то, о чем они мечтают, - возможность вернуться в родную Аризону.